

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Р У С С К И Й Д Е Т Е К Т И В

а л е к с а н д р

Г О Р С К И Й

Я, ЛУНИН...

Современный русский детектив

Александр Горский

Я, Луни...

«Центрполиграф»

2020

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Я, Лунин... / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2020 — (Современный русский детектив)

ISBN 978-5-227-09299-1

Илья Лунин не мог отказать родной тетке, хоть они и не виделись лет двадцать. В селе Старое Ясачное, в доме деда, Илья провел самые лучшие каникулы своего детства – эти воспоминания накрепко привязали его к родне. А беда у Татьяны Васильевны и впрямь случилась нешуточная: сына ее, Анатолия, обвинили в убийстве невесты. Лунин без особой охоты отправился в районный центр. Как он и ожидал, коллеги из района приняли следователя из области с откровенной настороженностью и неприязнью. Для них он чужак, который будет сомневаться в их работе, в доказательствах, собранных по делу, и будет выгораживать родню. Со своей стороны Лунин не думал, что местные правоохранители станут фальсифицировать доказательства просто по недомыслию или злобе. Только он знал, что даже в самом простом и ясном на первый взгляд деле, бывает, таятся глубоко спрятанные ниточки, – только потяни...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09299-1

© Горский А. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	10
Глава 3,	20
Глава 4,	24
Глава 5,	31
Глава 6,	35
Глава 7,	39
Глава 8,	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Горский

Я, Лунин...

© А.В. Горский, 2020

© «Центрполиграф», 2020

Глава 1, *в которой Лунин принимает участие в допросе*

Голова гудела так, словно в ней нашел пристанище вылетевший из улья рой пчел. «Сейчас бы кофейку чашечку да пару таблеток от головной боли. Хотя нет, кофейку лучше тоже две чашки». Лунин с трудом приоткрыл тяжелые веки и взглянул на сидящего напротив него человека. Похоже, что человек ждал взгляда Лунина. Он дружелюбно улыбнулся и качнулся назад всем телом. Передние ножки деревянного скрипучего стула оторвались от пола. Казалось, еще немного – и человек окончательно потеряет равновесие и опрокинется, но спинка стула, с негромким стуком коснувшись стены, оттолкнулась от нее и двинулась в обратном направлении. Судя по выщербленной на стене краске, на стуле в этом кабинете качались не в первый раз. «Где они такую рухлядь нашли?» – устало подумал Лунин, вновь закрывая глаза. Смотреть на сидящего перед ним человека не имело никакого смысла. Все его действия можно было определить на слух. Вот стул в очередной раз скрипнул, отклоняясь назад, вот послышался легкий стук деревянной спинки о бетонную стену, вот еле заметно содрогнулся пол, это ударились об него, возвращаясь на место, передние ножки стула. И вновь негромкое поскрипывание. Звуки повторяются раз за разом, и это очень даже неплохо. Есть в этой ритмичности что-то от постукивания колес в поезде. Сразу же хочется забраться на верхнюю полку купе, подоткнуть поудобнее подушку и смотреть, не отрываясь, на мчащиеся мимо елки, сосны, березы и еще непонятно какие деревья, стремительно появляющиеся и также стремительно исчезающие в квадрате окна. А потом незаметно для себя самого заснуть. Что может быть лучше, чем спать под монотонное тук-тук, тук-тук? Разве что вот это: скрип, тук, тук. Скрип, тук, тук.

– Лунин, ты что, заснул?

Голос был неприятным, насмешливым. Подумав, Лунин решил не открывать глаза. Смысла в этом никого не было, а усилий требовало достаточно много. Ритмичное поскрипывание прекратилось. Было слышно, что человек встал со своего места, обошел стол и остановился позади Лунина. «Что на этот раз, голова или почки?» Тело сжалось в предчувствии очередной порции боли, уже неизвестно какой по счету за эту бесконечно долгую, бессонную ночь. Стоящий за спиной человек выбрал почки. Боль от и без того еще не пришедшей в себя после предыдущего избиения поясницы рассекала тело раскаленным лезвием, острие которого вонзилось прямо в мозг. Спустя мгновение последовал второй удар. Теперь левой рукой, потом вновь правой, а затем еще и еще. Лунин закричал. Кричать громко он уже не мог, сорвав голос еще в первые часы допроса, поэтому лишь тихо подвывал в тщетной надежде потерять от боли сознание. Но в этот раз сознание Лунина, уже дважды за эту ночь куда-то прятавшееся, никак не хотело покидать разрывающийся от боли мозг. Наконец, после очередного, особенно хлесткого, удара тело сидящего на табурете человека обмякло и начало заваливаться на левый бок.

– Господи, до чего ж тут воняет. Он что, у вас обделался?

Сознание еще не полностью вернулось к лежащему на полу Лунину. Голос доносился до него, словно через плотное ватное одеяло, искаженным, почти неразборчивым. На какой-то миг даже показалось, что голос был женским.

– По полной программе!

Второй голос был Лунину хорошо знаком. Это был голос любителя раскачиваться на стуле.

– Лучше бы он у тебя заговорил по полной программе.

К своему удивлению, Лунин понял, что первый голос на самом деле принадлежал женщине. «Неудобно-то как, при даме, в таком виде», – застонав, он попытался было сесть, но сил хватило, лишь чтобы судорожно дернуть левой ногой.

– Залесский, если он у тебя здесь помрет, это только твои проблемы будут. – Женский голос звучал раздраженно. – В общем, так, я пойду к Михаилу Эдуардовичу, чайку попью. Через полчаса вернусь. Приведите его в божий вид хоть немного, чтобы с ним работать было можно. И я видела, у вас в обезьяннике сидят двое. Прикажи, пусть полы здесь начисто вымоют, я в таком гадюшнике сидеть не собираюсь.

– Как прикажете, Ирина Владимировна, можно и полы помыть. – Лицо мужчины Лунин не видел, но почему-то был уверен, что тот улыбается. – Только что толку, если он все равно ничего признавать не хочет?

Женщина ответила что-то невнятное, затем хлопнула, закрываясь, дверь. «Полчаса. Она придет через полчаса, – подумал Лунин, вновь проваливаясь в забытие. – Полчаса – куча времени. Можно успеть немного поспать».

Полчаса спустя он вновь сидел все на том же табурете, глядя на расположившегося напротив него человека. На этот раз человек не улыбался Лунину и не раскачивался взад-вперед, как делал тот, кто сидел раньше на этом скрипучем стуле. Человек смотрел на Лунина задумчиво, а на лице его отчетливо была видна смесь жалости и брезгливости, с какой обычно смотрят на собирающих милостыню безногих. «Девяносто процентов брезгливости и десять жалости, – оценил Лунин, – хотя десять – это, пожалуй, многовато. Процентом пять, не больше».

Он не угадал. Основной, если не сказать, единственной эмоцией сидящего перед ним человека был гнев. Шестаковой действительно было из-за чего сердиться. Всего десять минут назад, сидя в кабинете начальника уголовного розыска подполковника Головкова и попивая чай с шоколадными конфетами, вазочку с которыми подполковник доставал из шкафа лишь для особо приятных его сердцу посетителей, она узнала, что задержанному еще так и не предъявили ту единственную, но неоспоримую улику, которая позволяла вполне уверенно утверждать – именно он виновен в смерти, а точнее, в убийстве Дарьи Мещерской. С удивлением глядя на бумажный пакет, в котором лежала улика, Шестакова поставила на стол чашку с недопитым чаем.

– То есть вы хотите сказать, что Лунин ничего об этом не знает? И ваши люди просто так лупили его всю ночь, вместо того чтобы предъявить доказательства?

– Ну почему же «просто так», – Головков вовсе не выглядел смущенным, – мы ведь знаем об этом пакетике. И о его содержимом тоже знаем. Так что, просто так, дорогая Ирина Владимировна, здесь никого, как вы изволили выразиться, не лупят.

– Я все равно вас не понимаю, Михаил Эдуардович. Мне кажется, признание уже можно было давно получить, причем не прибегая к этим вашим методам убеждения.

– Может быть, и можно, – на лице подполковника появилась злая улыбка, – но, может быть, я хочу, чтобы он признался. Сам! Без всяких доказательств. Может быть, я хочу, чтобы он покаялся в том, что сделал. Вот прямо здесь, передо мной, в моем кабинете!

Голос Головкова дрожал от возбуждения. Последние слова он уже выкрикивал, вскочив на ноги и упираясь сжатыми кулаками в черную матовую столешницу. Шестакова почувствовала, как на лицо ей угодили несколько капель слюны, и брезгливо отстранилась.

– Такое ощущение, Михаил Эдуардович, что вы слишком близко к сердцу восприняли это дело. Я ошибаюсь или тут в самом деле что-то личное?

Головков опустил голову и некоторое время стоял молча, разглядывая свои сжатые, побелевшие от напряжения кулаки. Наконец он сполз обратно в кресло и еле слышно, не глядя на Трошину, пробормотал:

– Нет, вы не ошибаетесь. Здесь у меня личный интерес. Очень личный.

Лицо женщины Лунину нравилось. Четко очерченные скулы, тонкий прямой нос, изящные линии бровей. Подбородок, конечно, немного тяжеловат, но он не портит лицо, скорее, придает ему некую уверенность в собственной красоте. И, в довершение ко всему, глаза – огромные зеленые глазища, которые смотрят сейчас прямо на него, а быть может, пытаются

заглянуть ему прямо внутрь. Хотя, чего там внутри интересного? Конечно, кроме отбитых почек.

– Как я понимаю, свою вину вы признавать не хотите?

Приятный у нее голос, глубокий, с небольшой хрипотцой. Такая хрипотца бывает, если вчера много пел в караоке, ну или у каждого второго курильщика. Табачком-то от нее пахнет. Значит, курильщица. Когда женщина курит, это, конечно красиво. Сексуально. Целоваться, правда, с такими не очень приятно. Но так ведь это на мой личный вкус, да и потом, вряд ли у нас с ней до поцелуев дойдет.

– Вы меня слышите, Лунин?

– Я не могу признаться в том, чего не совершал. Даже если ваш дуболом забьет меня до смерти.

Как странно слышать свой голос. Что-то он у меня тоже похрипывать начал, хотя вроде из всех развлечений караоке здесь точно не было. Только танцы с бубном, и я в роли бубна.

– Поразительное упорство!

– Это похвала?

– Нет, это констатация факта.

А какие у нее руки. Ухоженные. Ноготочки один к одному. Знать бы, как этот цвет называется, фуксия или коралловый?

– Что? Лунин, вы о чем сейчас?

Похоже, я вслух про ногти спросил. Сейчас наверняка осерчает, позовет этого идиота, который стоит в коридоре под дверью. И все начнется по новой. Интересно, что он на этот раз выберет, голову или почки?

– Какие почки, Лунин? Вы себя как, хорошо чувствуете?

– Нет, не очень, – ну хоть в чем-то можно честно признаться, – когда меня долго бьют, я обычно всегда себя потом не очень хорошо чувствую.

– Знаете, Лунин, могу вас обрадовать, – одна изящная рука с аккуратными нежно-розовыми ноготочками легла поверх другой, столь же изящной, – бить вас больше никто не будет. Я обещаю.

Ну, хоть одна приятная новость за последнее время. А колечко-то обручальное она на левой руке носит. Неужто разведенка? Надеюсь, это я вслух не сказал, а то ведь еще передумает, позовет имбецила.

– Вы очень добры.

– Нет, Лунин, я отнюдь не добра, особенно по отношению к вам. Просто не вижу никакого смысла выбивать признание из человека, когда есть улики, прямо подтверждающие его вину в совершенном преступлении. Что вы так на меня смотрите, не верите?

– Верю, я во все верю. Говорят, был один, из воды вино делал. Почему вы из воздуха улики смастерить не сможете? Вы ведь женщина умная, по ногтям сразу видно.

– Из воздуха, говорите? Нет, Лунин, мне есть что вам предъявить, так сказать, более земного происхождения.

– Предъявляйте скорее, а то у меня сейчас почки от любопытства отвалятся.

Нет, самую драгоценную улику мне не дают. Наверно, боятся, что я ее уничтожу. На стол ложится всего лишь фотография. Точнее, не фотография, обычный лист бумаги, с распечатанным на нем черно-белым изображением. И что тут у них интересного?

– Что, Лунин, интересно? А еще интереснее, что экспертизе удалось обнаружить ваши отпечатки. Они ведь есть в базе, вы знаете. Кроме того, вот в этом месте, – розовый ноготь ткнул в угол фотографии, – была капелька крови, совсем маленькая. Можно даже сказать, след от капли. Но этого вполне достаточно, чтобы установить, что это кровь Мещерской Дарьи Владимировны. Понимаете, Лунин, все сходится. Причем сходится именно на вас.

Вот это удар, ничего не скажешь. Это будет посильнее, чем те удары, которыми всю ночь одаривал меня этот ублюдок Залесский. После такого удара остается только упасть и лежать, не дергаясь.

– Пишите!

Как же все глупо получилось. Не по-людски как-то.

– Пишите! Я, Лунин...

Глава 2, *в которой Лунин выходит на работу, но не работает*

Лунин сидел неподвижно, закрыв глаза, подпирая одной рукой левую щеку, а другой выстукивая незамысловатую дробь по столу. Тук. Пауза. Тук-тук. Тук. Пауза. Тук-тук. Тяжело. Тяжело возвращаться к работе после полутора месяцев, проведенных на больничной койке, а затем еще четырех недель домашнего отдыха¹. Это почти то же самое, как неожиданно протрезветь после длительного запоя. Организм, который долго привыкал и, наконец, привык к ничегонеделанию, не понимает, в чем дело, почему праздник жизни закончился, кто в этом виноват и как сделать, чтобы все вновь вернулось на круги своя.

Конечно, последние пару месяцев Лунин уверял себя и окружающих, что соскучился по работе, что ему надоело валяться в кровати без дела, смотреть однообразные сериалы и читать, как оказалось, не менее однообразные скандинавские детективы. И вот теперь, оказавшись в собственном кабинете, сидя за рабочим столом перед включенным монитором, Илья понял, что врал. Врал не только самому себе, что не так страшно, поскольку себя Лунин был готов простить незамедлительно, но и всем тем, кто периодически интересовался его состоянием, хотя таких людей на самом деле было немного.

– Врунишка, – не открывая глаз, пожурил сам себя Илья и зевнул.

Если пребывание в стационаре Лунина на самом деле изрядно утомило, то оказавшись наконец дома, он сполна ощутил все прелести оплачиваемого безделья. Проснувшись, как правило, в районе девяти, ближе к половине десятого Илья добирался, наконец, до кухни, где, включив небольшой, стоящий на холодильнике телевизор, неторопливо готовил себе завтрак под жизнерадостное бормотание ведущей, рассказывающей о том, как сохранить здоровье до наступления глубокой старости, а может быть, даже и на более долгое время. К удивлению Лунина, оказалось, что почти все телеканалы, из тех, которые, по его мнению, можно было отнести к «приличным», по утрам считали своим долгом осчастливить зрителей несомненно ценной, но в то же время исключительно скучной информацией о том, как уберечь свой организм здоровым, бодрым и исправно функционирующим. Чтобы соблюсти баланс между пользой от излучаемой с экрана информации и той тоской, которую она навевала, Лунин выставлял громкость телевизора так, чтобы было слышно, что в нем что-то говорят, но что именно, разобрать было невозможно. Завтрак Лунина всегда отличался от вчерашнего, хотя и готовился ежедневно из одного и того же стандартного набора продуктов. Собственно говоря, существовало всего два варианта завтрака, которые Илья чередовал день за днем – яичница из двух яиц и молочной сосиски, нарезанной на аккуратные тоненькие кружочки, и омлет из все того же количества яиц и все той же сосиски. Считая себя от природы гурманом, Лунин щедро добавлял к завтраку несколько ложек консервированного горошка, ибо, по его твердому убеждению, ничего вкуснее консервированного горошка в природе просто не существует, разве что тот же самый горошек, обильно заправленный майонезом.

Рокси тоже получала свою долю удовольствий. Насыпав белоснежной болонке очередную порцию сухого корма, Илья некоторое время пытался сопротивляться умоляющему взгляду маленьких черных глаз-бусинок, но в конце концов брал в руки вилку и откладывал собачонке несколько розовых сосисочных кругляшей, и они оба с аппетитом поглощали свой завтрак. Рокси управлялась гораздо быстрее, после чего забиралась на специально установленный для нее небольшой розовый пуфик, с которого ей было удобно любоваться своим хозяином, Лунин же ел неторопливо, иногда удивленно откладывая вилку в сторону, чтобы понять смысл дей-

¹ См. книгу «Шоссе в никуда».

ствий суетящихся на экране людей из массовки, которые под руководством ведущей пытались изобразить вышедший из почек и теперь с трудом пробирающийся по мочеточнику камень.

Покончив с завтраком, Илья открывал на экране смартфона приложение, сообщающее ему о скорости дующего за окном ветра, температуре воздуха, этим ветром перемещаемого, и наличии солнца, наблюдающего за всем этим безобразием. Лунин подходил к окну, чтобы убедиться, что солнце действительно светит, а ветер не так уж сильно колыхает еще не обретенные ветки растущих во дворе дома тополей. Это означало, что для их предстоящей с Рокси прогулки нет никаких препятствий. Как правило, гуляли они достаточно долго, часа два, а порой и больше. В это время дня основными посетителями расположенного неподалеку сквера были в основном пенсионеры и мамочки с колясками. Лунин старался держаться подальше и от тех, и от других. Из колясок зачастую доносились душераздирающие, на всю округу, вопли, от которых у Ильи тут же начинала болеть голова. Что было не так со стариками, Лунин сказать затруднялся. Он прекрасно знал, что старость не является заразным заболеванием. Она передается по наследству и с рождения живет в организме каждого человека, скрываясь в нем до поры до времени. И все же он старался держаться от пенсионеров подальше, словно общение с ними могло ускорить его собственное неизбежное старение.

Нагулявшись вволю, Лунин с Рокси возвращались домой, где после сытного обеда устраивались на диване в гостиной и под негромкое бормотание телевизора, отличающегося от своего кухонного собрата значительно большим размером экрана, предавались каждый своему любимому занятию. Рокси, свернувшись клубочком в ногах Лунина, засыпала, а сам Илья, открыв очередную книгу, погружался в унылый и холодный мир шведских или норвежских полицейских, чьи флегматичность и отстраненное равнодушие к самым невообразимым в своей жестокости и весьма подробно описанным преступлениям удивительным образом сочетались с тонкой душевной организацией и бесконечной, словно январская ночь на севере Скандинавии, рефлексией.

Так проходил час за часом, пока не наступало время ужина, а на следующий день все повторялось, к полному удовольствию и Рокси, и Лунина.

И вот этой счастливой размеренной жизни пришел конец. На смену беззаботному утру и неторопливому завтраку пришли пронзительный звонок будильника и поспешное запикивание в рот еды, которую не воспринимали еще не успевшие проснуться вкусовые рецепторы.

Лунин открыл глаза. Стрелки висящих на противоположной стене часов показывали уже половину двенадцатого. Начальник Среднегорского областного управления следственного комитета генерал-майор Хованский, пообещавший вызвать Илью к себе в первой половине дня и озадачить его первым после длительного перерыва делом, явно не торопился выполнять свое обещание. «Еще немного продержаться, и обед, – мысль о предстоящем перерыве в так и не начавшейся работе придала Лунину сил, – а пока можно посмотреть прогноз погоды на вечер. Ведь вечернюю прогулку с Рокси никто не отменял».

Негромкий стук отвлек Лунина от созерцания карты осадков. Илья покосился на так и не открывшуюся дверь и произнес голосом человека, которого оторвали от бесконечно важной и не терпящей отлагательства работы:

– Да.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель проникло робко улыбающееся лицо.

– К вам можно? – Голос, как и лицо, принадлежал женщине лет шестидесяти, высокого роста, худощавой, той распространенной, особенно в сельской местности, породы, которую принято называть жилистой. Что именно в облике женщины навеяло Лунину ассоциации с деревней, Илья не понял, но мысль о том, что она не из Среднегорска, пришла к нему сразу.

– Заходите, – бросив прощальный взгляд на надвигающийся с запада циклон, Илья закрыл окно браузера. – Чем обязан?

Вошедшая в кабинет женщина не торопилась занять стоявший по другую сторону стола стул для посетителей. Застыв у двери, она пристально разглядывала Лунина, от чего Илья вдруг почувствовал себя неудобно, что в его собственном кабинете бывало не так уж и часто.

– Вы по какому вопросу? – Илье показалось, что пауза чересчур затянулась.

– Лунин? – с сомнением произнесла женщина. – Илья?

– Илья Олегович.

Не любивший фамильярности Лунин нахмурился. Ему вдруг показалось, что визит женщины сулит ему некие, пока неизвестные, неприятности, избавиться от которых можно лишь выставив посетительницу за дверь.

– А матушка Ольга Васильевна, верно?

Брови Лунина медленно поползли вверх и, достигнув максимально возможной точки, замерли, изогнувшись удивленными запятыми.

– А дедушка, царствие ему небесное, Василий Захарович был, правильно я говорю?

Мысль о том, что женщина знает всех его родственников, включая усопших, и сейчас собирается перечислить всех поименно, подтолкнула Илью к более решительным действиям.

– Вы кто? – Он вскочил, оттолкнув стул ногой, отчего тот звонко ударился о стену. – Вам что нужно?

– Я? Я – Татьяна Васильевна. – Женщина беззащитно улыбнулась смутно знакомой Лунину улыбкой. – Лунина Татьяна Васильевна, Олина сестра, – торопливо добавила она, делая наконец шаг вперед и кладя на стол развернутый паспорт.

Илья машинально взял в руки документ. С фотографии, сделанной лет пятнадцать–двадцать назад, на него смотрело совсем другое лицо. Лицо пусть и не очень молодой, но еще достаточно красивой, уверенной в себе женщины, снисходительно позволяющей объективу фотоаппарата любоваться ее красотой. Лунин помнил это лицо, очень смутно, но помнил. Тогда оно было еще лет на десять моложе, чем на фотографии, еще красивее, и с него почти не сходила заразительная белозубая улыбка, глядя на которую всегда хотелось улыбнуться в ответ. На лице стоящей перед ним женщины не было и тени улыбки, и все же это было то самое, только очень постаревшее, осунувшееся лицо, с неровными складками морщин над переносицей, тяжелыми веками и покрасневшими, слезящимися глазами.

– Тетя Таня? – неуверенно произнес Илья, выбираясь из-за стола. Он остановился в полуметре от посетительницы, не зная, что делать дальше. Слишком много лет они не виделись, слишком много того, что он силился сейчас вспомнить, стерлось из памяти, и теперь эта пустота в воспоминаниях не давала Лунину сделать еще один шаг вперед.

Посетительница сделала этот шаг сама. Она метнулась навстречу Илье, с силой уткнулась лбом ему под подбородок, а уже в следующее мгновение все ее тело содрогнулось от беззвучных и от этого особенно пронзительных рыданий. Лунин, все еще сжимавший в правой руке паспорт так неожиданно объявившейся спустя четверть века тетки, растерянно замер, не зная, что предпринять. Плечи рыдающей тети Тани вздрагивали все сильнее, а затем, откуда-то из-под ее головы, послышался вначале едва слышимый, но постепенно становящийся все более громким вой: «Ооо...я, ооо...я!»

– Оооля! – наконец смог разобрать Лунин.

Бросив паспорт тетки на стол, Илья попытался отстраниться от плачущей женщины, чтобы иметь хоть какую-то возможность понять причину ее страданий из-за неведомой ему Оли, но это оказалось не так просто сделать. Женщина обеими руками обхватила Лунина за спину, и разомкнуть ее объятия, не приложив изрядного количества физических усилий, не представлялось возможным.

Спас Илью неожиданно распахнувший дверь Хованский.

– Ну что, туineaдец. – Улыбающийся начальник управления стремительно ворвался в кабинет и замер, осекшись на полуслове.

Услышав за спиной чей-то энергичный голос, Татьяна Васильевна вздрогнула и на мгновение ослабила хватку, чем Илья тут же и воспользовался, освободившись из ее цепких объятий.

– Вот оно как, – вид плачущей шестидесятилетней женщины несколько снизил градус жизнерадостности генерал-майора, – с населением, значит, работаешь.

Лунин быстро кивнул, следя за тем, чтобы тетка вновь не кинулась ему на шею.

– Ты, как с потерпевшей закончишь, зайди ко мне. – Хованский исчез за дверью так же стремительно, как и появился.

Вновь оказавшись в пустынном коридоре, Дмитрий Романович поплотнее прикрыл дверь кабинета Лунина, чтобы доносящиеся из него всхлипывания не отвлекали остальных сотрудников.

– Плачет девушка в автомате, – пробубнил себе под нос он слова неожиданно вспомнившейся ему песни. – Потерпевшая... Интересно, откуда у Лунина потерпевшая, если я ему еще никакого дела не поручал?

Ответа на вопрос у Хованского не было, и это начальника управления необычайно расстраивало и даже в какой-то мере нервировало. Он даже дотронулся до дверной ручки, намереваясь получить ответ у самого Лунина, когда из кабинета глухо донеслось очередное «О...я, ооо...я!». Отдернув руку, Дмитрий Романович тихо выругался. Нежелание находиться в одном пространстве с рыдающей гражданкой было еще сильнее, чем раздражающее его любопытство.

– Ладно, потом придет, сам расскажет, – буркнул Хованский и, сунув руки в карманы и, сутулясь чуть больше обычного, направился в сторону своего кабинета.

Вновь оставшись с рыдающей родственницей один на один, Илья решил перейти к более активным действиям. Прежде всего надо было чем-то занять цепкие руки тетки, а заодно попытаться вытянуть из нее хоть что-то, кроме уже начинающих действовать на нервы «Ооо...я». Наполнив кружку еще теплой водой из чайника, Лунин протянул ее Татьяне Васильевне. Та мгновенно схватила кружку двумя руками и прижала к себе, словно надеясь в ней найти утешение своему горю.

– Вы водички-то попейте. – Илья осторожно, указательным пальцем надавил снизу на дно кружки, заставляя тетку поднести воду к губам.

Сделав небольшой глоток, Татьяна Васильевна еще раз по инерции всхлипнула, после чего залпом втянула в себя оставшуюся воду. Лунин одобритительно кивнул и моментально наполнил кружку по новой, справедливо полагая, что на полный желудок, пусть даже полный одной только кипяченой водой, любая беда переносится значительно легче, чем натощак. Заметив, что глотки стали более неторопливыми, Илья придвинул тетке стул для посетителей и аккуратно надавил ей на плечи. Татьяна Васильевна сползла вниз и притихла. Довольный тем, как развиваются события, Лунин обогнул стол и вернулся в свое кресло. Почувствовав, что его тылы надежно прикрыты, а между ним и убитой горем родственницей высится надежный оборонительный рубеж письменного стола, Илья окончательно осмелел и еще не совсем забытым за долгое время вынужденного ничегонеделания тоном профессионального бюрократа полюбопытствовал:

– Итак, что за Оля и что с ней приключилось?

– Толя, брат твой, – Татьяна Васильевна поставила кружку на стол, и Лунин, быстро вытянув руку, тут же отодвинул ее от края, – арестовали его.

– Здесь, в Среднегорске? – машинально уточнил Илья вопрос подследственности.

– У нас, в Одинске. – Тетка отрицательно качнула головой и уставилась на Лунина покрасневшими от слез глазами. – Помоги ему, Илюшенька! Хоть ты помоги!

Некоторое время спустя, после того как тетка выпила еще кружку воды, две кружки чая и сходила в расположенный в противоположном конце коридора туалет, картина произошедших более чем в двухстах километрах от Среднегорска событий предстала перед Луниным если и не

во всей, то в весьма откровенной неприглядности. Двоюродный брат Лунина, Анатолий, тридцативосьмилетний, дважды разведенный холостяк, был вначале задержан, а затем, два дня спустя, арестован за убийство своей собственной невесты. Таковы были факты, которые Илья, как опытный следователь, смог извлечь из потока обрушившейся на него противоречивой информации. На самом деле фактов было еще меньше. Была ли убитая в действительности невестой Анатолия или же отношения между ними не сияли радостной перспективой предстоящей свадьбы, выяснилось не до конца. Тетя Таня, точнее Татьяна Васильевна, как начал называть ее Лунин, перейдя на более официальную манеру общения, в показаниях путалась и всякий раз, когда Илья силился вытащить из нее новые подробности происшедшего, норовила вновь зарыдать, подрагивая худыми, костистыми плечами.

И все же какие-то детали Лунину узнать удалось. Все началось с того, что восемь дней назад Анатолий, или, как его называла Татьяна Васильевна, Толик, выпил. Само по себе это событие не предвещало никаких печальных последствий. Толик, почти сорокалетний, крепкий мужик, от выпивки никогда не отказывался, однако, в отличие от многих своих ровесников, в пьянстве знал меру, как правило ограничиваясь одной, редко когда двумя бутылками водки (при этих словах тетки Лунина уважительно причмокнул губами), а будучи подшофе, всегда пребывал в настроении благодушном, и максимум, что мог себе позволить такого, чего, как правило, не делал в состоянии трезвости, так это спеть несколько песен, аккомпанируя самому себе на гитаре.

– А что, трезвый он не пел никогда? – удивился Илья.

– Не пел. Я уж и просила его сколько раз, голос ведь у него замечательный, душевный. Так нет же, нахмурится сразу, голову опустит и бормочет что-то непонятное, мол, настроения у него нету.

Татьяна Васильевна громко шмыгнула носом и, нашарив в сумке носовой платок, уткнулась в него носом. Высморкавшись, она продолжила:

– Это как Оксанка, жена первая, его обидела, сказала, что от его песен у нее зубы сводит, так он с тех пор петь и бросил. Главное, уж развелись давным-давно, а так обида та его и гложет.

Повод для выпивки у Анатолия, а также еще нескольких, бывших с ним в одной компании, мужиков был серьезный. У Эдика Кравцова, жившего на соседней улице, – а жил Анатолий не в самом Одинске, а в расположенном в десяти километрах от него селе Старое Ясачное, – родился ребенок.

– Не абы какой, – еще раз трубно дунув носом в платок, добавила Татьяна Васильевна, – мальчик, первенец. Ну как тут не отпраздновать? Они с Лариской, женой, семь лет ждали, дожидаться не могли. Понятно, если он у тебя восьмой по счету, так можно и не праздновать уже.

Лунин на всякий случай кивнул, предпочитая тетке пока не возражать, но, очевидно, сдержанного кивка ей показалось недостаточно.

– А что ты думаешь, и по восемь бывает. – Она наконец спрятала платок обратно в сумку. – Вон у нас в селе Ильхамовы живут, азербайджанцы. Коров держат. У них каждый год кто-то родится, так я и не видела, чтобы они праздновали.

Тетка неодобрительно нахмурилась и, непонятно зачем, уточнила:

– Два десятка коров у них, во как.

– Может быть, вернемся к Анатолию? – предложил Лунин, которого не очень заинтересовала информация о численности детей и коров в семье незнакомых ему азербайджанцев.

– Давай вернемся, – вздохнула тетка, и на глазах у нее вновь выступили слезы.

Веселье было в самом разгаре. По округе разносился запах жареного мяса, а Толик уже настраивал принесенную Эдиком гитару, когда во дворе Кравцовых появилась Даша. Окинув взглядом сидящую за столом компанию и проигнорировав приветственные возгласы подвыпивших мужчин, она подошла к сидевшему чуть в стороне на здоровенной лиственничной колоде Анатолию и, наклонившись, начала что-то выговаривать ему прямо на ухо.

– Поначалу-то тихо говорила, никто ничего не слышал, – объяснила Татьяна Васильевна, – хотя мужики-то уши, конечно, сразу развесили. Вы ж сплетни больше нас собирать любите. – Она укоризненно стрельнула взглядом в сторону Лунина, но, как показалось Илье, промахнулась. – А потом разговор все громче и громче у них пошел.

Как оказалось, Анатолий, не смогший отказаться от участия в дружеской попойке, совершенно забыл об одном очень важном обстоятельстве, а именно о данном им обещании поехать вместе с Дашей в Одинск, походить по магазинам, а заодно и поужинать в каком-нибудь ресторанчике.

– Неприятная ситуация, – пробормотал Лунин, у которого перед глазами вдруг всплыло лицо его бывшей жены Юленьки, развод с которой был оформлен всего несколько недель назад. Илья потер веки, прогоняя дурное видение.

– И что теперь? – вскинулась тетка. – У нее и своя машина есть, раз уж так ей приспичило в город ехать. Можно подумать, в этом городе есть что стоящее. Разве ж это повод на мужика так орать, перед всеми его позорить?

– Сильно орала? – уточнил Лунин.

– Я ж не была сама, – немного успокоилась Татьяна Васильевна, – но Эдька мне рассказывал, что изрядно.

– А что Анатолий?

Лунин отчего-то никак не мог решиться назвать брата Толиком. Во-первых, они не виделись уже более двадцати лет и фактически были друг другу совсем чужими людьми, во-вторых, сейчас, сидя в кабинете, за дверью с табличкой «Старший следователь Лунин И.О.», Илья был, прежде всего, следователем по особо важным делам, майором Луниным, и только потом – чьим-то племянником или братом. «К тому же двоюродным», – мысленно напомнил сам себе Илья.

– А что он? – Тетка энергично всплеснула руками, отчего стоявшая у нее на коленях сумка рухнула на пол. – Понятно дело, слушал, слушал, а потом малость и огрызаться начал. Ну, ты сам скажи, это нормальное дело на мужика при посторонних людях кричать? Да еще когда в нем уже самогона пол-литра влито?

– Пол-литра, – задумчиво повторил Лунин, вспоминая, когда ему последний раз доводилось пробовать деревенского, настоянного на кедровых орехах, самогона.

– А может, и поболее, – подтвердила откуда-то из-за стола ползающая по полу в поисках разлетевшихся из сумки вещей Татьяна Васильевна, – меньше точно быть не могло. Он пока первую половинку не осилит, гитару в руки ни за что не возьмет.

– И что, часто они так ругались?

– Все нет. – Раскрасневшаяся тетка вернулась на стул, прижимая к груди сумку. Лунин заметил, что молнию на ней она так и не застегнула, но промолчал. – Так-то Дашка девчонка не скандальная была, они с Толиком если о чем и спорили, то все у них как-то смехом всегда заканчивалось.

– А в этот раз, значит, не до смеха было.

– Да какой там. – Татьяна Васильевна покачивалась на стуле из стороны в сторону, баюкая дамскую сумку, словно не желавшего никак уснуть младенца.

По словам тетки, Анатолий и Даша разругались не на шутку. В конце концов, отложив гитару в сторону, Толик предложил своей подруге отправиться куда подальше, например, самостоятельно проехать по магазинам, а сам, поднявшись с широкой колоды, тяжелой поступью направился в сторону длинного деревянного стола, держа курс точно на тот его край, на котором стояла пятилитровая, на две трети опустошенная бутылка самогона. Даше ничего другого не оставалось, как уйти, что она и сделала, напоследок от души шарахнув и так еле держащейся на старых проржавевших петлях калиткой. Татьяна Васильевна описывала все происходящее в таких подробностях, словно и сама сидела за дощатым столом, периодически опрокидывая в

себя очередную порцию пятидесятиградусной кедровой настойки. Было очевидно, что потом она с пристрастием опросила всех присутствующих, чтобы узнать, из-за чего, собственно, произошёл конфликт, который, возможно, и стал причиной гибели двадцативосьмилетней Дарьи Мещерской.

После ухода подруги Анатолий пробыл в компании приятелей не более получаса. Петь ему расхотелось, а посему, опрокинув в себя еще пару рюмок, он вскоре распрощался со всей компанией и отправился домой. Благо дом, в котором он жил вместе с матерью, располагался почти по соседству, дорога не заняла много времени, и вскоре Анатолий, едва разувшись, завалялся на кровать у себя в комнате и моментально захрапел.

– А вы, значит, дома были, когда он пришел? – уточнил Илья.

– Была, конечно, была, – тетка энергично закивала, – на кухне, с ужином хлопотала. Я ж не знала, что он уже закусил. Да и про то, что они с Дашкой в город собираются, тоже мне Толя не говорил ничего. А тут, видишь, как вышло, ужин ему не надобен оказался. Но готовку ведь так просто не бросишь. Я еще где-то полчаса точно на кухне пробыла, а потом, как закончила, сама чаю попила, да и села перед телевизором. Немного посидела, может, минут двадцать от силы, да и к Клавдии ушла.

– Клавдия – это у нас кто? – на всякий случай осведомился Лунин.

– Ну как же, – по лицу тетки было понятно, что не зная Клавдию по меньшей мере неприлично, – молоко я у нее беру, через день по три литра. Сколько себя помню, так всегда у нее и беру.

– Она коров держит, как Ильхамовы, – поспешил поделиться догадкой Илья.

Лицо тетки, и без того смурное, окончательно погасло.

– С чего это, как Ильхамовы? – На лбу тетки появилась еще одна, выражающая крайнюю степень недовольства складка. – Клавдия испокон веков молоком торгует, я малой была, так к ее матери, помню, с банкой ходила. А эти, – складка на лбу приобрела угрожающий характер, – всего пять лет, как в Ясачке поселились, а уже два десятка коров имеют. – Татьяна Васильевна осуждающе покачала головой и поспешила добавить: – Но они свое молоко все на завод сдают, так не торгуют. Да и кто у них брать будет? Вот ты мне сам скажи, только как есть, ты бы сам стал у них молоко брать?

Лунин, организм которого не усваивал молоко, особенно парное, с самого детства, задумчиво потер указательным пальцем подбородок и невразумительно промычал:

– Нет, ну а зачем... Ведь если у Клавдии есть, то тогда... – Поняв по лицу тетки, что она ждет более четкого ответа, Илья выдохнул: – У Клавдии по-любому молоко лучше.

Судя по всему, претензии у Татьяны Васильевны были не столько к качеству молока Ильхамовых, сколько к самим поселившимся в их селе азербайджанцам. Суть этих претензий оставалась пока для Лунина не ясна, но он и не горел желанием погружаться в пучину межнационально-молочных конфликтов Старого Ясачного.

– Так в какое время вы из дома вышли? – Илья постарался аккуратно вернуть болтовню тетки в более конструктивное русло. – Вы время помните?

– В половине, – утвердительно кивнула тетка и замолчала. Увидев в глазах Ильи непонимание, она торопливо добавила: – Я всегда из дому в половине выхожу. Привычка уже такая.

– Тетя Таня, – Лунин произносил слова ласково, почти распевно, стараясь ничем не выдать закипавший в нем гнев, – в какой половине?

– А? – не поняла Татьяна Васильевна.

Тяжелая ладонь с такой силой хлопнула по поверхности стола, что подпрыгнула не только стоящая возле монитора кружка с недопитой водой, но и сам монитор, а заодно и сидевшая на стуле тетка.

– В половине чего вы вышли? – рявкнул Илья. – Половина седьмого, половина восьмого? Какое время было?

– Восемь тридцать, – испуганно отрапортовала тетя Таня.

– Хорошо. – Лунин мотнул головой из стороны в сторону, словно готовящийся к атаке молодой бычок, и перешел к следующему вопросу.

– Сколько времени вы пробыли у Клавдии и когда вернулись? Только отвечайте как можно точнее.

– Точнее, могу точнее, – затараторила еще не оправившаяся от испуга Татьяна Васильевна. – Я ж там у Клавдии не одна сидела, еще Нинка с Ленкой. Они тоже молоко берут через день, как и я. А в другие дни Ритка с Наташкой, они, значит, тоже по три литра.

– Ушли вы в какое время? – простонал Илья, глядя на часы и понимая, что до обеденного перерыва освободиться ему точно уже не получится.

– В девять сорок. Я точно помню. Нинка на часы посмотрела и говорит: ой, матушки, уже девять сорок, пора и честь знать. Ну, так и я собралась вместе с ней да и тоже в сторону дома. А нам ведь с Нинкой как раз в одну сторону, мы ж на одной улице живем, только она на два дома дальше.

– Очень хорошо. – Лунин вновь мотнул головой. – До дома сколько по времени вы шли?

– Минут пять от силы. Там ведь недалеко, через проулок пройти, а потом уже по нашей улице и идти все время.

– Замечательно, – отсек Илья ненужные подробности. – Анатолий был дома, когда вы пришли?

– Был! – Тетка уставилась на Илью преданным собачьим взглядом. – Был он дома, Илюшенька. Как я уходила, он спал, так и пришла, он спал, похрапывал.

– Но дома-то вас больше часа не было. – Илья отвел глаза в сторону. Жалобный теткин взгляд был ему почему-то неприятен. – Чем ваш сын все это время занимался, знать вы не можете.

Лунин запоздало подумал, что слова «ваш сын» звучат слишком казенно, но было уже поздно. Взгляд тетки потух, и она тихо, почти шепотом произнесла:

– Спал он. Спал! Не мог не спать.

– Хорошо, из этого и будем исходить, – как можно убедительнее соврал Илья. – Вы знаете, в какое время убийство произошло? Вам что-нибудь про это говорили?

– Так кто ж мне скажет, – покачала головой Татьяна Васильевна, – я ж для них теперь враг. Как они говорят, убийцу покрываю. Вот как ты точно вопросами изводят, только, знаешь, так зло все спрашивают. Словно они уже все ответы заранее знают и ждут, когда я так, как им надо, отвечу. – Она опять достала из сумки посеревший от влаги платок. – А чего ж я им отвечать буду, если знаю, не мог Толенька сделать этого. Спал он, спал весь вечер!

– Значит, время убийства вам неизвестно?

Илья вывел в лежащем перед ним на столе открытом блокноте здоровенный, на поллиста, вопросительный знак и тут же с удивлением услышал:

– Почему не знаю? Знаю, конечно!

– И что же вы знаете, Татьяна Васильевна? – устало вздохнул Лунин. – И откуда, прошу прощения, эти ваши сведения взялись?

– Ну, во-первых, я еще сама из ума не выжила. Если меня раз за разом пытаются, где был Толик, с восьми до одиннадцати вечера, то, наверное, это неспроста. Да и обо мне самой они то же самое вызвали.

– Логично, – буркнул Лунин, делая пометку «20–23» в своем блокноте, – а что, есть еще и во-вторых?

– А во-вторых, у нас не Москва и даже не этот ваш Среднегорск, – судя по интонации, Среднегорск тетке явно не нравился, – на весь Одинск и сорок тысяч народу не наберется, а у нас в Ясачке всего-то домов триста будет. Все друг друга знают, либо сами, либо через соседа.

– И что сказал сосед? – Илья подпер щеку ладонью, приготовившись к очередной долгой тираде.

– Сосед? – Лицо Татьяны Васильевны недобро потемнело. – Сосед, чтоб ему, лупоглазому, пусто было, ничего не говорит, а вот у Ленки сын, тот еще, слава богу, нормальный, рассказал, как есть.

– Он что, в полиции работает или в комитете? – уточнил на всякий случай Лунин.

Татьяна Васильевна удивленно уставилась на племянника.

– В каком комитете? Комитетчиков же переименовали, лет тридцать назад.

– Я не о тех, – поморщился Илья, поняв, что тетка говорит о сменившем свою вывеску еще в девяносто первом году Комитете государственной безопасности. – Следственный комитет, вот как здесь.

– Вон оно что, – сообразила тетка, – нет, он в полиции, капитаном работает, говорит, что преступников ловит. Уж не знаю, кого он поймать может, такой дурной малый всегда был. Может, и ты его еще помнишь, он тебя лет на пять младше.

– Вряд ли, – Илья сухо пожал плечами, – я, если честно, вообще мало что помню с тех лет, разве что, как на пруд ходили.

– Тогда ты его точно знать должен, – убежденно заявила тетка. – Витек, он, считай, до самой школы по деревне без трусов бегал. Писался постоянно, так Ленка, чтоб не стирать каждый день, его так выпускала.

– Сейчас же не бегают? – Голозадного Витька Лунин вспомнить не мог, хотя, по правде говоря, не особо и старался. – Так что вряд ли узнаю.

– Ну что ты, – махнула рукой Татьяна Васильевна, – сейчас ему форму дали, солидно выглядит, да и писаться, кажись, перестал. Надо будет потом спросить у Ленки-то.

– Так и что говорит ваш писающий мальчик? – бесцеремонно перебил тетку Илья.

– Это ты про Витку, что ли? – переспросила Татьяна Васильевна.

Лунин молча кивнул.

– Витька говорит... – Тетка зажмурилась, напрягая память, и затем, запинаясь, процитировала: – Убийство произошло ориентировочно с двадцати тридцати до двадцати двух тридцати восьмого июня. С учетом того, что тело было обнаружено только на следующий день, и нестабильностью погодных условий в данный промежуток времени, интервал совершения преступления может быть расширен с двадцати до двадцати трех часов.

Окаменевшее лицо Татьяны Васильевны вновь вернулось к человеческому обличью. Тетка тяжело перевела дух и потянулась к кружке с водой.

– Видишь, наизусть выучила, – объяснила она Лунину, возвращая пустую кружку на стол, – Ленка дала бумажку почитать, пока Витька в бане парился. Там еще много чего написано, но уж больно непонятно, как будто нерусский какой писал.

– Заключение экспертизы, – кивнул Илья, – они всегда так пишут, чтобы умнее казаться. Странно только, что оно у вашего Витьки оказалось. Он же полицейский, оперативник, я так понимаю, а такие документы, как правило, у следователя хранятся. Хотя, конечно, могли сделать копию.

Тетка еле заметно пожала плечами, давая понять, что данные процессуальные тонкости находятся за пределами ее понимания.

– Ладно, со временем разобрались. Теперь с самим убийством, что там вообще было, вы знаете?

Татьяна Васильевна испуганно вздрогнула и уставилась на Илью вновь начинающими блестеть от слез глазами.

– Да откуда ж мне знать, Илюшенька, что там быть могло? Я ведь и на следующий день, как ее, бедную, нашли, побежала туда, так ведь пройти нельзя было. Все огородили, ленту натянули, как на стройке. Я так ее и не увидела, Дашку-то. А Толик уже позже приехал, когда

увезли ее. Пришел на то место, где она лежала, упал на колени и так стоял, не шевелился целый час, наверное. Так его оттуда ваши и забрали.

Татьяна Васильевна всхлипнула и закрыла лицо руками. Илье было хорошо видно, как неровно бьется на шее у тетки набухшая синяя прожилка, как вздрагивают ее сухие, с выпирающими ключицами, плечи. Лунин чувствовал, что должен что-то сказать, как-то утешить плачущую женщину, но привычный набор слов, с которым ему не раз доводилось обращаться к рыдающим у него в кабинете родственникам потерпевших или подозреваемых, сейчас казался бессмысленным набором звуков, издавать которые было, по меньшей мере, неприлично. Выбравшись из-за стола, Илья, уже который раз за день, наполнил кружку водой и протянул тетке.

– Не могу больше... не лезет, – отрицательно мотнула головой та. – Прости. Сейчас я успокоюсь. Каждый раз, как представлю, что Дашеньки нет больше, так слезы сами из глаз льются.

Дверь кабинета негромко скрипнула.

– А вот и котлетки!

Улыбающееся лицо Светочки замерло в образовавшемся проеме, затем ее глаза удивленно увеличились, а улыбка начала медленно опадать. Илья сделал плавное движение ладонью в сторону, давая понять Светочке, что обедать ей придется сегодня без него. Дверь еще раз скрипнула, закрываясь.

– Там в этом заключении, в экспертизе, много всего написано было, – наконец смогла продолжить Татьяна Васильевна, – все-то я наизусть выучить не смогла, да и не поняла половину. Вроде как и про удар твердым тупым предметом было, такие-то слова я легко запомнила, их во всех фильмах говорят, и что-то про проникающее ранение головы. В общем, я только запуталась, пока читала. Хорошо, Ленка уже у сына все выспросить успела, так она по-простому мне объяснила. Вроде как Дашу один раз чем-то тяжелым по лицу ударили. Это с одной стороны, а с другой ударили еще раз палкой с гвоздем. Гвоздь этот и вошел ей прямо в голову, в висок угодил.

Татьяна Васильевна застыла, борясь с очередным подступившим к горлу спазмом, затем схватила со стола кружку с водой и жадно прижала ее к губам. Тонкая струйка воды потянулась к подбородку, и тетка, виновато улыбнувшись, вытерла ее рукавом.

– Палку эту там же рядом и нашли, – добавила тетка, – поблизости в траве валялась.

– Понятненько. – Лунин глубокомысленно вздохнул, собираясь с силами, перед тем как перейти к основному вопросу: – А с чего вдруг решили, что Анатолий к этому делу отношение имеет? Его что, кто-то видел?

– Не видел его никто! – громко, надрывно выкрикнула Татьяна Васильевна. – Кто ж его видеть мог, если он дома был все время?

– Тогда в чем причина, тетя Тань? – как можно мягче спросил Лунин, не отводя глаз от бешено пляшущей на теткиной шее сонной артерии. – Какая-то причина все равно должна быть.

– Часы, – прошептала тетка, уставившись в окно ничего не видящими от набежавших слез глазами.

Глава 3, *такая короткая, что мэр Одинска успевает в ней выкурить всего одну сигарету и дать одно обещание*

Три года назад, точнее, чуть больше

Дорога умирала. Умирала уже давно, несколько лет, отчаянно прося, даже требуя от людей хоть как-то облегчить мучения ее самой и ползущих по ней автомобилей. Нельзя сказать, что для решения этой проблемы совсем ничего не предпринималось, но того, что делали, явно не хватало. Тяжелая фура, валко покачиваясь на растрескавшемся асфальте, местами просевшем, а кое-где, наоборот, вздыбленном усилиями неведомых подземных, вернее будет сказать – подшоссейных обитателей, заморгала поворотными огнями и начала выворачивать влево, намереваясь пересечь встречную полосу. Еще один клиент. Всего половина шестого, а стоянка для грузовиков уже наполовину заполнена. Таким темпом через час на ней не будет ни одного свободного места. Хорошо! Николай достал из пачки сигарету и сунул ее в рот. Точнее, это все было бы хорошо, если не одно печальное обстоятельство. Нашарив, наконец, в одном из карманов клетчатого спортивного покроя пиджака зажигалку, Трошин прикурил и тут же услышал за спиной голос:

– Дай и мне тоже.

– Ты ж вроде бросил? – Николай обернулся на стоящего позади него на крыльце Миткевича.

– Бросил, бросил, – Миткевич скользнул взглядом по въезжающей на парковку фуру, – все равно, когда так перекусишь плотно да еще стопарик накаатишь, потом пару тяг сделать охота.

Николай протянул сигареты собеседнику, затем щелкнул зажигалкой. Глядя, как Миткевич, зажмурившись от удовольствия, делает первую глубокую затяжку, Трошин подумал, что не случайно именно Дмитрий Евгеньевич стал мэром их затерянного на просторах Сибири городка, и не просто стал, а вот уже девять лет управляет Одинском, ухитряясь находить общий язык и с губернатором, и с местными силовиками, а заодно и с большинством городских предпринимателей. Не со всеми, конечно, все никогда счастливы быть не могут, но с большинством, это точно. Во всяком случае, с основными. Хотя, конечно, размах предпринимательства в Одинске не шибко велик, городишко ведь небольшой, но все же и в нем есть серьезные люди, интересы которых мэр должен учитывать. Да, именно такой человек городу и нужен. Гибкий, умеющий договариваться, не пытающийся выпячивать свой интерес. А то ведь сколько их таких неумных да неумных послетало со своих мест по области, пальцев не хватит загигать. Жадность, она ведь не только фразеров губит, но и чиновников. А Дмитрий Евгеньевич, он молодец, он в любую тему вникнет, если решит, что толковая, непременно поддержит. И лишнего не попросит. Едва обозначит, что у него свой интерес тоже имеется, а там уж на усмотрение того, кто к нему с вопросом обратился. В меру, так сказать, душевной щедрости каждого, ну и ума, конечно. Можно ведь и одним «спасибо» отделаться, ну или бутылкой коньяка в подарочной упаковке. От коньяка Евгений тоже не откажется, но ведь надо понимать, что жизнь она такая, непредсказуемая. Порой новые темы подбрасывает, когда ты ее об этом совсем не просишь. И в чью дверь ты с этой темой в следующий раз постучишься?

– Значит, конкурс уже объявлен? – уточнил он у Миткевича только для того, чтобы не стоять молча.

– Да. – Миткевич задрал голову к небу и с наслаждением выпустил вверх струю серого дыма. – Ты не представляешь, какая там сейчас возня началась.

– Много желающих? – понимающе усмехнулся Трошин.

– Хватает. – Дмитрий Евгеньевич бросил почти целую сигарету в сторону урны, но промахнулся. – Ты представляешь, о каком куске речь идет? Ориентировочная стоимость проекта – семнадцать миллиардов! Семнадцать! Миллиардов! Звучит-то как! – Миткевич восхищенно причмокнул губами.

– Так это же общая стоимость, – в отличие от мэра, Николай докурил свою сигарету почти до фильтра, затем подошел к урне и аккуратно загасил ее о железную стенку, – там же и затраты миллиардные. А если что-то не предусмотрит? Можно же и в минуса уйти.

– Господи, и за этого скучного человека моя племянница вышла замуж, – притворно вздохнул Миткевич, – хорошо хоть, двоюродная. Коля, очнись! Где ты видел, чтобы при госконтрактах в минуса уходили?

– А что, не бывает такого?

– Бывает, – Дмитрий Евгеньевич хитро прищурился, – но только если контракт по какому-то недоразумению не тем людям ушел. Вот тогда все бывает. И минуса, и срока, и весь набор других неприятностей. А когда выигрывают те, кто и должен был, там уже все риски просчитаны, и все заложено. И непредвиденные расходы, – Миткевич ухмыльнулся, – и предвиденные. Я так думаю, чтобы этот контракт выхватить, миллиард минимум отстегнуть придется.

– Миллиард? – Николаю вдруг почудилось, что мимо него проносится фура с девятью нарисованными на борту огромными нулями.

– А может, и полторашечку, – пожал плечами Дмитрий Евгеньевич, – десять процентов – нормальный тариф. Здесь, конечно, сумма большая, пару процентиков могут скинуть, но вряд ли больше.

– Что же тогда останется исполнителю?

– Еще миллиард, а если будет как следует издержки резать, то, может, и поболее того выйдет. Неплохо, да?

– И кому это счастье перепадет?

– Нашел у кого спрашивать, – рассмеялся Миткевич. – Посмотри на меня, Коля. Я мэр маленького городишки и его окрестностей. Я таких вопросов не то что не касаюсь, я в их сторону даже не дышу, чтоб никого случайно не обидеть своим несвежим дыханием. Вот трассу построят, начнут обустраивать, там и наша администрация подключится, а пока, – он дружески хлопнул Трошина по плечу, – мы просто зрители. Тихие, незаметные зрители.

Трошин немного посторонился, пропуская поднимающихся по ступеням дальнобойщиков. Напарники оживленно переговаривались, предвкушая возможность принять горячий душ, выпить по бутылочке холодного пива, а затем перейти к чему-нибудь более основательному, например, отбивным или горбуше под шубой с гарниром из жареной на сковороде картошки, обильно посыпанной луком и укропом.

– Ладно, поеду я.

Дмитрий Евгеньевич легко сбегал вниз по ступенькам. «Мерседес», стоявший в тени двухэтажного мотеля, узнал прикосновение своего хозяина и приветливо моргнул габаритными огнями.

– У меня еще две встречи сегодня, опять дома затемно буду.

– Подожди, Евгений, – Трошин поспешил вслед за Миткевичем, – скажи, проект объездной дороги уже утвержден?

– Естественно, – снисходительно фыркнул облеченный властью родственник, – тендер же по готовому проекту проводят. Чтобы исполнитель весь объем работ мог представить, смету

набросать. В такую стройку масштабную кто без проекта полезет? Как-никак сорок два километра, четыре развязки.

– Пусть лезут, я не претендую, – усмехнулся Николай, становясь так, чтобы Миткевич не смог захлопнуть дверцу машины, – мне бы план объездной посмотреть. Только не такой, как в газете, мне картинок не надо. Нормальный план, на большой карте, чтобы все видно было, со всеми развязками, съездами.

– А тебе это зачем? – насторожился Дмитрий Евгеньевич. – Ежели тебя посетила гениальная идея купить кусок земли на месте стройки, а потом перепродать родине втридорога, то ты лопух, причем дважды.

– Дважды это почему? – заинтересовался Трошин, которому идея с перепродажей земельных участков в голову и не приходила.

– Перво-наперво потому, как опоздал, государство уже все земли выкупило, – Миткевич загнул на левой руке мизинец, – а второе, – мэр с усмешкой взглянул на нависшего над ним Николая, – все равно все выкупили по кадастровой стоимости и не рублем выше. Так что те умники, кто в эту идею вложился, ни копейки не заработали, поверь мне.

– Не, мне на месте стройки не надо. – На парковку с ревом въехал очередной большегруз, и Трошин пригнулся, чтобы Дмитрий Евгеньевич мог лучше его слышать. – А вот рядом с трассой я бы местечко прикупил какое-нибудь. Пару гектаров, только так, чтобы там без проблем к электричеству подключиться было и съезд с трассы хороший.

Миткевич удивленно посмотрел на родственника, и в ту же секунду понимание отразилось на его широком, с выпирающими, словно у возвращающегося с хлебного поля в свою норку бурундука, щеками лице.

– Ты никак, Коля, о будущем задуматься решил? – Дмитрий Евгеньевич внимательно разглядывал застывшего у распахнутой двери «мерседеса» мужа племянницы. – Правильно мыслишь. Если вовремя подсуетишься, то к запуску объездной можешь первым оказаться, можно сказать, единственным. Вот только скажи мне, два гектара тебе не сильно много будет?

– Нормально. – Трошин на мгновение машинально выпрямился и окинул взглядом свои владения. – У меня здесь гектар, так я тебе скажу, тесно. К семи уже все битком, фуры дальше едут. А новое место, если нормальное будет, то я там развернусь по полной программе. И гостиницу побольше сделать, и кафе с магазином. Еще есть пара идей, но все опять же от участка зависит, так что два гектара – это минимум.

– По деньгам-то потянешь? – Миткевич недоверчиво прищурился, отчего в лице его Николаю почудилось что-то то ли от перекормленного самурая, то ли от недокормленного борца сумо. – Земля, здание, я так понимаю, под тысячу квадратов будет. Миллионов двадцать точно понадобится, а может, и больше.

– Больше, – отрывисто подтвердил Николай, – хочу современный комплекс построить, так, чтоб и внутри все было, и снаружи красиво смотрелось. Я кое-какие расчеты предварительно делал, миллионов тридцать – тридцать пять понадобится.

– Я одолжить точно не смогу, – быстро отозвался неправильно его истолковавший Миткевич, – у меня у самого сейчас, – он на мгновение замешкался, – в общем, не важно, но денег не дам.

– Ничего, я прокредитуюсь, – успокоил родственника Трошин, – ты мне, главное, с участием посодействуй. По-родственному.

Николай наклонился еще ниже, почти засунув голову в салон автомобиля, и постарался заглянуть в глаза Дмитрию Евгеньевичу. Тот недовольно поморщился и махнул рукой, при этом было непонятно, пытается он выпихнуть Николая из машины или дружески хлопывает его по плечу.

– Ладно. – Дождавшись, когда Трошин наконец распрямится, мэр потянул на себя дверцу. – Завтра позвони мне во второй половине дня, решим, когда встретиться. Посидим,

карту посмотрим. Подберем тебе кусочек земли русской, – Миткевич язвительно усмехнулся, – по-родственному.

Дверь машины захлопнулась, черный «мерседес», старательно объезжая ямы, выехал на шоссе и покатыл в сторону города.

Глава 4, *в которой Лунин гуляет и предаётся воспоминаниям*

Дорога от здания управления до дома занимала двадцать минут. Порой, когда машин на улицах Среднегорска было особенно много, двадцать минут превращались в тридцать, а то и, страшно сказать, все тридцать пять. Лунин к подобным, тягостным для многих спешащих домой водителей, испытаниям, как правило, относился философски. Он делал погромче радио и, в такт музыке похлопывая по рулю, разглядывал томящихся в ожидании зеленого сигнала светофора водителей и пассажиров соседних автомобилей. Точнее, так он делал раньше, до того, как угодил в больницу с переломом ключицы, сотрясением мозга и несколькими другими, не такими значительными травмами, например, рваной раной, тянущейся почти через все левое плечо почти до самого локтя. Так он делал, когда был в машине один.

Теперь же все было совсем иначе. Сидевшая на пассажирском сиденье Светочка без умолку щебетала, рассказывая Лунину во всех подробностях о насыщенном рабочем дне приемной генерала Карнаухова, а также некоторые подробности из личной жизни граждан и сотрудников, эту приемную посетивших. Между сотрудниками областного управления следственного комитета и прочими гражданами Светочка всегда проводила невидимую, но от этого не менее внушительную ограничительную черту, или, быть может, правильнее будет сказать, границу. Эту границу пересекать ни в коем случае было нельзя, во всяком случае, гражданам. Что касается сотрудников, то они, конечно же, могли это делать, но только в силу служебной необходимости. Иногда, слушая Светочкины рассуждения, у Ильи в голове возникал образ некоего инопланетного охотника, таящегося где-то под кронами городских джунглей, который наблюдает за копошащимися внизу аборигенами и изредка спускается вниз, чтобы уничтожить или взять в плен какого-нибудь наглеца, возомнившего себя хозяином этих самых каменных джунглей. Однажды Лунин поделился этим сравнением со Светочкой. Внимательно выслушав Илью, она на несколько мгновений задумалась, а затем лицо ее озарилось счастливой улыбкой.

– Какой ты у меня фантазер все же, – ее мягкие, влажные губы ткнулись ему в щеку, – хотя, знаешь, может быть, так все и есть. Только мы сами не спускаемся. Мы указываем цель, а все остальное, вот это твое «уничтожить, взять в плен», делают другие.

– Другие? – удивился Илья.

– Ну а оперативники у нас для чего? – точно так же удивилась в ответ Светочка. – Ты даешь им постановление, они едут, задерживают. У нас половина следователей ни разу в жизни на задержании не была. Не все же такие, как ты. – Светочка взглянула на правое плечо Лунина, с которого не так давно сняли гипс, и с улыбкой добавила: – Герои.

Кроме вынужденной, служебной, надобности сотрудникам спускаться в мир граждан, по мнению Светочки, особой необходимости не было. Конечно, иногда приходилось стоять в очереди в кассу супермаркета или лететь с потенциальными подследственными в одном самолете, но все это было лишь незначительное, мимолетное соприкосновение двух, почти не пересекающихся миров. Да и эти соприкосновения были «защищенными». Защитой служил небольшой, прямоугольный, складывающийся пополам кусок картона – удостоверение сотрудника следственного комитета, с которым всякий, принадлежащий к этой узкой касте избранных, не расставался ни на минуту, даже если выходил ненадолго во двор своего дома выгулять собаку.

Как правило, выслушивая Светочкину болтовню, Илья старался не спорить. Сам он достаточно спокойно относился как к наличию у него темно-красной с золотистым тиснением книжицы и должности следователя по особо важным делам, так и к возможности со всем этим богатством в один прекрасный день расстаться. Лунин был уверен, что все эти рассуждения Светочка почерпнула из уст генерала Карнаухова, большого любителя философских диспутов

и коньяка в подарочных упаковках. То и другое начальник управления любил сочетать примерно в равных пропорциях, справедливо полагая, что душевное и даже в некоторой степени интеллектуальное общение вполне может заменить собой обильную закуску.

– А у меня мама учитель, в школе, – один раз все же не выдержал Лунин.

– При чем тут мама? – удивленно уставилась на него Светочка.

Илья пожал плечами, точнее, только правым, двигать левым ему было все еще больно.

– И папа тоже, – Илья замешкался, – не следовательно.

Отец Ильи не так давно вышел на пенсию, а до этого последние десять лет работал заведующим лабораторией в Среднегорском институте минералогии. Назвать отца геологом у Лунина язык не поворачивался. По мнению Ильи, сложившемуся еще лет тридцать назад, геологи – это бородатые, покусанные комарами мужчины, целыми днями шатающиеся по тайге в поисках новых месторождений нефти, никеля или, на худой конец, золота, а вечером собирающиеся у костра и под негромкие гитарные аккорды передающие по кругу фляжку с водкой. Его же отец, полный, всегда гладковыбритый мужчина, водку не пил вовсе. Не был он и любителем посиделок у костра под гитару, а лучшим местом времяпровождения полагал старое, продавленное кресло в гостиной перед телевизором. В этом кресле, выставив звук телевизора на минимальную громкость, он устраивался с какой-нибудь толстой книгой, купленным еще в середине восьмидесятых на талоны от сдачи макулатуры романом Пикуля или таким же старым, зачитанным до дыр томиком Сноу.

– Родители здесь при чем? – продолжала недоумевать Светочка.

– Ну да, родители здесь ни при чем совершенно, – быстро капитулировал Илья, не желая оказаться втянутым в затяжную дискуссию.

Закончив описывать произошедшие в управлении события первой половины дня, Светочка опустила солнцезащитный козырек и посмотрелась в зеркало, проверяя, не стерлась ли от интенсивного общения с ее губ вся помада. Оставшись удовлетворенной осмотром, она повернулась к Илье и сложила губы бантиком, посылая ему поцелуй.

– А что у тебя сегодня в кабинете творилось? Что за тетка рыдала? Небось, мамаша убийцы очередного. Не знаю, чего они все время ходят, слезы льют, – Светочка недовольно поджала губы, – уж пусть их для суда приберегут, там от них хоть какая-то польза может быть. Так что, я угадала?

– Угадала, – коротко отозвался Лунин, не поворачивая головы к решившей еще раз оценить свое отражение в зеркале спутнице.

Если бы кто-то спросил Лунина, как Светочка начала жить с ним вместе, Илья бы затруднился дать внятное объяснение. Все произошло само собой. После того, как едва живой, теряющий сознание Лунин случайно набрал ее номер и прошептал: «Забери меня отсюда!», после того, как Светочка каждый день в течение полутора месяцев навещала израненного героя в палате и подолгу сидела возле его кровати, рассказывая обо всех случившихся за последние сутки мало-мальски интересных событиях, казалось вполне естественным, когда она встретила наконец выписавшегося Лунина на крыльце больницы, помогла ему устроиться поудобнее на заднем сиденье выделенной Карнауховым служебной «камри», а затем, быстро обежав машину сзади, села рядом с Ильей, тесно прижимаясь к нему горячим коленом.

Вспомнив тот, достаточно прохладный, день, Илья подумал, что колено, конечно же, не могло быть горячим, это его самого, еще не до конца оправившегося после болезни, вдруг бросило в жар от ее нечаянного прикосновения. Они так и ехали в машине всю дорогу, на удивление молчаливая Светочка и постепенно покрывающийся испариной, красный от смущения Лунин. Оказавшись в квартире, Илья кое-как, стараясь не намочить еще не снятый с плеча гипс, принял душ, а затем с трудом натянул на себя чистое белье. За это время хозяйничающая на кухне Светочка успела разогреть приготовленные ею еще дома котлеты, порезать на дольки и обжарить несколько заблаговременно сваренных картофелин. Когда посвежевший, с

мокрыми волосами Лунин появился на пороге кухни, Светочка примерялась штопором к горлышку винной бутылки.

– Врач сказал, что тебе красное вино даже полезно. – Светочка обернулась на удивленно застывшего Илью. – Садись, отметим твое выздоровление.

До полного выздоровления, конечно, было еще далеко, да и гипс должны были снять только через неделю, но разносящийся по квартире восхитительный аромат домашних котлет весомо намекал на то, что праздновать можно в любое время, когда предоставляется такая возможность. Это же подтверждала и успешно откупоренная бутылка красного.

Быстро управившись с котлетами и жареной картошкой, а заодно и двумя третями «кьянти», Илья, еще недавно уверенный, что за время пребывания в больнице выпался на всю оставшуюся жизнь, с удивлением ощутил, как его отяжелевшая голова пытается найти горизонтальную, желательную мягкую поверхность, а веки смыкаются вопреки тому печальному факту, что данная поверхность еще не найдена. Лунин не понял сам, как оказался в спальне сидящим на краю широкой двуспальной кровати. Тапочки, в которых Илья обычно ходил по дому, очевидно, остались на кухне, и теперь Лунин босыми ступнями ощущал прохладу паркетного пола.

– Устал, мой хороший?

Заботливый голос Светочки прозвучал совсем рядом с ухом. Не открывая глаз, Илья кивнул, а затем чьи-то ловкие руки уверенно развязали пояс толстого махрового халата, который он кое-как смог надеть после душа.

– Может, не стоит? – Халат соскользнул с плеч Ильи, и Лунин, повинувшись несильному, но настойчивому нажатию руки, повалился спиной на матрас. – Мне кажется, я пока не очень владею конечностями.

Лежа с закрытыми глазами, Илья едва успел подумать, поняла ли Светочка, что он имеет в виду свою загипсованную по локоть левую руку, когда услышал в ответ ласковый шепот:

– Ничего. Я сама все сделаю.

Илья попытался разомкнуть неподъемные, слипшиеся веки, на мгновение ему даже показалось, что он видит наклонившуюся над ним Светочку. Затем он сдался. Он понял, что ему нравится лежать голышом на кровати и что он ничего не имеет против, чтобы Светочка сделала с ним все сама. Все, что она захочет.

Сзади настойчиво посигналили. Раз, потом другой. Илья вздрогнул, выныривая из окутавших его воспоминаний, и торопливо надавил на педаль газа.

Они еще только вышли из громыхнувших напоследок дверей лифта, а звонкий, не прекращающийся ни на мгновение собачий лай уже рвался им навстречу. Илья потянул дверь на себя, и тут же маленький белоснежный комок шерсти с разбегу бросился на него, промчался по ногам до живота и, вовремя подхваченный сильной рукой, уткнулся в лицо Лунину с восторженным повизгиванием.

– Мы гулять. – Илья поцеловал Рокси в черную пуговку носа, болонка утвердительно твякнула в ответ.

– Не возражаю. – Светочка кивнула им обоим и тут же притворно серьезно погрозила пальцем. – Но через полчаса ужин. Не опаздывайте!

– Что у нас на ужин? – на всякий случай уточнил Лунин, всегда считавший вечерний прием пищи одним из важнейших, если не самым важным событием дня.

– То же, что и вчера. Свинина запеченная, – с улыбкой отозвалась Светочка, – пока вы гулять будете, я успею потушить овощи.

– Прелестно! – причмокнул губами Лунин и, наклонившись, поцеловал Светочку прямо в макушку, при этом Рокси, тоже ничего не имеющая против запеченной свинины, успела лизнуть ее в щеку. – Мы непременно будем вовремя.

Вновь оказавшись во дворе дома, Илья позволил болонке соскочить на землю и неторопливым шагом, заложив руки за спину, двинулся по привычному вечернему маршруту вокруг небольшого, состоящего всего из трех домов, микрорайона. Чтобы не опоздать к ужину, Илье не было необходимости смотреть на часы, достаточно было лишь идти обычным шагом и не отклоняться от маршрута. Полный круг они с Рокси проходили, как правило, за двадцать минут, иногда на несколько минут дольше, но только в те дни, когда Рокси во время прогулки встречала кого-то из знакомых. В таком случае собаки бросались навстречу друг другу, за мгновение до того, как столкнуться носами, ненадолго замирали, а затем, отчаянно виляя хвостами, начинали взаимные обнюхивания и прочий традиционный для таких встреч собачий ритуал. Прodelав все установленные обычаями процедуры, Рокси бросалась догонять хозяина, который, хоть и сбавив скорость, за это время успевал уйти на несколько десятков шагов вперед.

На этот раз, к разочарованию Рокси, никого из ее приятелей на прогулке не было, а посему она постоянно семенила в непосредственной близости от своего друга и хозяина, который отчего-то был задумчив и молчалив сверх всякой меры.

Тете Тане Лунин отказал. Составив общее представление о произошедшем в Старом Ясачном преступлении, он, на всякий случай, записал ничего не говорящую ему фамилию следователя, как выразилась тетка, редкостной стервы, не давшей разрешения на свидание с арестованным на два месяца Анатолием. Пока на два месяца. Процедура была стандартная. Срок ареста будет продлеваться судом столько раз, сколько попросит следователь, до тех пор, пока по делу не будет готово обвинительное заключение, а в том, что обвинительное заключение будет, судя по рассказу тетки, сомневаться не приходилось. Типичное, как сказал бы Хованский, русское провинциальное убийство. Пьяный конфликт, затем еще одна, не очень удачная, попытка выяснить отношения. Алиби как такового у подозреваемого нет, а оставленные на месте преступления часы... с таким же успехом можно было обронить и паспорт, по пьяни чего только не бывает. Сказано же, типичное провинциальное убийство.

– Адвокат вам нужен, хороший адвокат, – объяснял Илья, стараясь не глядеть в сторону насквозь мокрой от слез тетки, – может, он что и придумает. Плохо, что два удара было, если бы один только, то можно попытаться все свести к непредумышленному. Хотя, там ведь эта палка с гвоздем, – спохватился Лунин, – тут непредумышленным и не пахнет. Не знаю тогда, что тут можно придумать. Состояние аффекта тут вряд ли пропихнуть получится, налицо, что он пьяный был, а опьянение суд за аффект никогда не примет. Даже не знаю, чем помочь можно.

– Не знаешь, значит, – глухо произнесла, вставая со стула, Татьяна Васильевна, – такой лось здоровый вымахал, погоны у него со звездочками, кабинет персональный, а ничего не знает. Я знаю! – Илья почувствовал, как на лицо ему упали несколько капель слюны наклонившейся к столу тетки. – Не убивал Толик, не мог он убить!

Лунин издал протяжный стон зажатого в стоматологическое кресло пациента, страстно желающего сбежать, но не имеющего уже такой возможности.

– Не потому он убить не мог, что мой сын, – проигнорировала его стон тетка, – а потому, что пьяный был. Что я, по-твоему, его пьяным не видела? С восемнадцати лет как начал прикладываться, так уже двадцать лет, считай, и выпивает раз в неделю.

– Хорошо, когда в семье есть традиции, – не удержавшись, пробормотал Илья.

– Есть, – не отреагировала на сарказм Татьяна Васильевна, – одна у него традиция. Он, после того как гитару в сторону отложит, завсегда сам спать ложится и спит потом часов пять, никакой пушкой не добудишься. Потом встанет, воды попьет да опять спать ложится. Там уже по-разному выходит, и час может проспять, и четыре. Но поначалу он пять часов минимум с кровати не встанет.

Лунин поежился под пристальным, колючим взглядом родственницы.

– А здесь что выходит? Он и трех часов не проспал да уже на улице оказался. Не могло такого быть, Илья! Понимает голова твоя это? Или ты без фуражки не считаешь ничего? Так ты надень фуражку-то, глядишь, думать легче станет.

После ухода разгневанной тетки Илья еще долго сидел в своем кабинете, не в силах встать из-за стола и отправиться на прием к уже заждавшемуся его Хованскому. Дмитрий Романович, несмотря на некоторые присущие ему недостатки, был человеком достаточно проницательным, поэтому, когда Лунин наконец занял предложенное ему место за приставным столом, вынес свой вердикт незамедлительно.

– Рановато ты, Илюша, на службу вышел. Я тебе еще и дела никакого поручить не успел, а ты уже вон какой бледненький. Давай, милый мой, я тебе коньячку нацежу, лечебную, так сказать, дозу.

Через несколько секунд на столе уже стояли два пузатых бокала, которые Хованский наполнил примерно на треть из еще более пузатой бутылки с каким-то неизвестным Илье названием на этикетке.

– Знал бы ты, Илюша, что за человек мне этот коньяк подарил. – Дмитрий Романович закрыл бутылку и спрятал ее в верхнее отделение стоящего в углу шкафа, в котором он хранил особо ценные подношения. Уточнить, кто именно сделал ему столь приятный подарок, Хованский так и не стал. – Твое здоровье, Лунин!

Отвыкший за время болезни от крепкого алкоголя, Илья почувствовал, как коньяк обжег ему горло, а затем, начав мгновенно впитываться в еще не окрепший организм, теплой, расслабляющей волной прокатился по его сознанию.

– Да ты совсем обмяк, – ухмыльнулся Хованский. – Расскажи-ка мне лучше, что за гражданка такая у тебя в кабинете слезы лила? Ты же никакое дело не ведешь пока. Откуда она нарисовалась?

– Тетка, – пробормотал Лунин, разглядывая солнечные искорки, вспыхивающие и тут же исчезающие на дне недопитого бокала.

– Я видел, что не мужик, – нетерпеливо отозвался Дмитрий Романович. – Она по какому делу у тебя была?

– Моя тетка, из Одинска.

Откинувшийся на спинку кресла Хованский выразительно приподнял левую бровь, давая понять, что ждет более подробного рассказа. Илья сделал еще глоток и, с сожалением поставив пустой бокал на стол, начал рассказывать. Хованский слушал внимательно, почти не перебивая, лишь пару раз задав уточняющие вопросы. Когда Лунин закончил, Дмитрий Романович некоторое время сидел молча, разглядывая потолок кабинета с таким видом, будто там вот-вот должна высветиться информация по всем до конца не выясненным обстоятельствам убийства Дарьи Мещерской. Однако на потолке так ничего и не появилось. Взглянув на удрученно притихшего Лунина, Хованский покачал головой и выбрался из кресла.

Вторая порция коньяка горло уже не обжигала. Она мягко укутала сознание Лунина теплым шерстяным одеялом, сквозь которое приглушенно доносился голос начальника следственного управления.

– Что тут скажешь, Илюша? Все ты правильно сделал. Понятно, что тетку жалко, но ты ей помочь все равно не можешь. Сам знаешь, такие дела, с личной заинтересованностью, это как красная тряпка для прокуратуры, а там, в Одинске, районный прокурор, – Хованский брезгливо оттопырил нижнюю губу, – тот еще паразит. С областным-то у нас, слава богу, нейтралитет, но если эта шавка одинская лаем изойдет, то они здесь тоже глаза закрывать не станут. Так что отказал, и молодец. Я сам в Одинск позвоню сегодня вечером, все разую. Кто дело ведет, какая там база доказательная, есть ли какие-то варианты твоему братцу соскочить.

Дмитрий Романович хитро прищурился, лицо его приняло насмешливое выражение. Лунин понял, что следующая фраза генерала ему не понравится.

– Все, Илюша, хана твоей карьере. Брат – уголовник, нехорошо! – Хованский аппетитно причмокнул губами, и Лунин ощутил себя лежащим на тарелке большим куском жареного мяса.

– Так ведь двоюродный, – выдавил из себя Илья, – да и не виделись мы с ним с самого детства.

Лунину вдруг стало стыдно. Стыдно за брата, которого он много лет не видел и который непонятно зачем вдруг возник сегодня в его жизни, за свою тетку, рыдавшую на глазах начальника областного управления, за самого себя, не совершавшего ничего плохого, но вынужденного почему-то оправдываться. Почувствовавший перемену в его настроении, Дмитрий Романович мгновенно стал серьезным и негромко постучал бокалом по столешнице, заставляя уткнувшегося глазами в пол Лунина поднять голову и посмотреть на него.

– Про карьеру это я так, к слову. Ты не грусти раньше времени. Я тебе сегодня дельце одно подкинуть собирался, но, пока ты своей тетке слезы утирал, я его уже Ракитину отдал. Так что иди пока, займись чем-нибудь полезным.

– Это чем же? – удивился Лунин.

– Пыль у себя в кабинете протри, а то накопилось там уже по колено. Все, – повелительно махнул рукой Хованский, – свободен! И вообще, мне кажется, рано ты на службу вернулся, тебе бы еще недельку-другую дома отдохнуть надо. Посидел бы в счет отпуска.

– Так ведь скучно дома, сил уже нет сидеть, – непонятно зачем соврал Илья.

– Ну да, – кивнул Хованский, – здесь-то у нас веселье. Прям веселуха!

Погруженный в размышления, Илья неторопливо шел по привычному маршруту, не обращая внимания ни на восхитительно-розовые, освещенные мягким вечерним солнцем облака, ни на само огненное светило, уже зацепившееся за крышу стоящей на другой стороне проспекта пятиэтажки. Перед глазами Лунина одно за другим всплывали старые, забытые уже много лет назад воспоминания, которые, по его стойкому убеждению, были утеряны безвозвратно, но, как оказалось, были всего лишь перемещены в некую спрятанную в закоулках сознания мусорную корзину, откуда теперь услужливая память восстанавливала их одно за другим.

Еще совсем недавно тяжелые, густые клубы ползущего над водой тумана постепенно становились все легче и прозрачнее. Поплавки можно было уже разглядеть не напрягаясь. Илюша и не напрягался. Прижавшись к теплому плечу деда, он незаметно для себя самого задремал, быстро утратив интерес к рыбалке, которая еще вчера вечером представлялась ему чем-то удивительно интересным. Сквозь сон он не сразу понял, что возбужденный, торопливый голос деда обращен именно к нему:

– Давай, давай, давай!

Ничего не понимающий Илюша с трудом открыл глаза и увидел, как дед уже схватил его удочку, установленную на небольшой воткнутой в землю деревянной рогатке.

– Я сам! – торопливо выкрикнул Илья.

Дед обернулся и быстро передал ему удилище.

– Давай! Подсекай! – торопил его Василий Захарович.

Илья повел удилищем в сторону, леска мгновенно натянулась. Почувствовав сопротивление, Илья сделал шаг назад, подальше от кромки берега, и начал постепенно вытягивать леску из воды. Вскоре в воде на мгновение блеснула серебром спина огромной, как ему показалось, рыбины, а еще спустя некоторое время Илюша вытащил на берег первую пойманную им самим добычу. Карась действительно был довольно крупным, с дедову ладонь. Он, не переставая, дергался из стороны в сторону, норовя выскользнуть из рук или ударить Илюшу хвостом прямо по лицу. Кое-как сняв трофей с крючка, Илья положил карася в заранее заготовленный пакет с водой, а затем, не вытерпев, наклонился к лежащей на земле дедовой куртке и гордо выпалил:

– Я рыбу поймал! Гигантскую!

Куртка зашевелилась, из-под нее показалось заспанное, удивленное лицо.

– Покажи! – послышался недоверчивый голос.

Илья продемонстрировал открытый пакет.

– Сам поймал? – Голос все еще был полон сомнения.

– Сам! – почти хором подтвердили дед и Илья.

Куртка отлетела в сторону, и счастливый четырехлетний мальчуган забегал по берегу кругами, радостно выкрикивая:

– Ура! Илюшка рыбу поймал! Ура!

– Толик, ты же нам всех остальных распугаешь, – попытался было успокоить малыша Василий Захарович.

Укоризненно посмотрев на деда, не понимающего, какое грандиозное событие только что свершилось, Толик сделал еще два круга, оглашая окрестности своими громогласными воплями, затем подбежал к Илье и поцеловал его.

– Илюшка молодец! – провозгласил Толик, оборачиваясь к деду.

– Конечно, молодец, – согласился с улыбкой Василий Захарович, – наша порода, лунинская!

Другое воспоминание отделяли от первого всего два или три года. Это, конечно же, опять было лето, потому что в Старое Ясачное они ездили только летом. Какой именно был месяц, Лунин вспомнить не мог, но зато, как ни странно, он прекрасно помнил, что это был за день. Это был день рождения тети Тани. Уже немного подросший Илюша стоял посреди комнаты, и все собравшиеся в доме взрослые смотрели прямо на него. Точнее, смотрели на него и Толика, стоящего рядом на деревянной табуретке. Одетые в очень похожие шорты и рубашки с коротким рукавом, они радовались вниманию старших и отчаянно, стараясь перекричать друг друга, пели ставшую совсем недавно популярной песню «Белые розы». Это был их подарок имениннице. Конечно же, идею придумал дед, он же и подобрал на аккордеоне нехитрую мелодию и теперь, одобрительно улыбаясь внукам, аккомпанировал.

Их совместное с братом выступление Илюше очень понравилось. Было необыкновенно приятно видеть и слышать, как стоящие вокруг люди выкрикивали одобрительные возгласы и хлопали в ладоши, а потом счастливая, раскрасневшаяся тетя Таня обняла и расцеловала их обоих.

Подойдя к подъезду, Лунин обернулся. Рокси семенила за ним, не отставая. Открыв дверь, Илья придержал створку, пропуская вперед болонку. Рокси благодарно тявкнула и метнулась к лифту. До кнопки вызова она, конечно же, не доставала, поэтому уселась перед закрытыми дверями, изо всех сил виляя хвостом и глядя на неторопливо поднимающегося по ступеням хозяина.

Уже в лифте Илье пришла в голову мысль, что после того самого, уже почти стершегося из памяти выступления, он никогда больше не пел перед другими людьми, во всяком случае, добровольно. Конечно, ему приходилось вместе со всеми остальными одноклассниками тоскливо выводить «во поле березка стояла» или «у моей России длинные косички», но тогда, Лунин это помнил точно, он только открывал рот, не издавая при этом ни звука, а учительница музыки, уже немолодая, в огромных, на пол-лица, очках, женщина со странным для Среднегорска именем Ангелина Марковна из раза в раз ставила ему за это тройки. Возможно, Илья открывал рот слишком широко, а быть может, делал это недостаточно беззвучно. Лунин не спрашивал. Петь почему-то совсем не хотелось, а тройка по музыке его вполне устраивала.

А Толик, значит, иногда поет, подумал Илья, выходя из лифта. Да еще и на гитаре играет. Интересно.

Глава 5, *из которой становится понятно, что с мэром договориться проще, чем с губернатором*

Три года назад, точнее, чуть больше. Совсем чуть-чуть

Стволы огромных вековых сосен уходили куда-то в небо и там, высоко наверху, раскрывались гигантскими причудливыми зонтами веток, защищающими территорию загородной резиденции губернатора Среднегорской области Сергиевича от палящего полуденного солнца.

– Я не помню, чтобы у нас в начале мая такая жара стояла. – Сергиевич налил себе полный стакан холодного, только что принесенного из холодильника кваса и, с удовольствием сделав большой глоток, облизал губы. – Налей кваску себе, Павел Дмитриевич. Жара ведь невыносимая.

– Может быть, перейдем ближе к основной теме, Иван Юрьевич?

Сидящий напротив Сергиевича владелец крупнейшей в области компании, специализирующейся на дорожном строительстве, Павел Рассказов не был настроен столь благодушно, как губернатор. Его цепкие, чуть прищуренные глаза внимательно следили за собеседником, а на лице постепенно проступало плохо скрываемое раздражение. Однако губернатор не замечал, или делал вид, что не замечает, состояния своего визави.

– А ведь два года назад на майские праздники у нас снег выпал, еле успели все к демонстрации расчистить.

Сергиевич отхлебнул еще квасу. На этот раз губы облизывать он не стал, а вытер их лежащей перед ним на столе салфеткой.

– Ну что же, Павел Дмитриевич, – губернатор небрежным жестом бросил смятую салфетку обратно на стол, – вижу, ты торопишься сильно. Весь в делах.

Сергиевич едва заметно усмехнулся, после чего его лицо в одно мгновение стало необыкновенно серьезным, каким оно и должно быть у государственного чиновника столь высокого ранга.

– По основной теме могу сказать тебе одно – это дорого, очень дорого. Не факт, что потянешь.

– Сколько? – Собеседник губернатора по-прежнему не был склонен к многословию.

Сергиевич откинулся на спинку плетеного ротангового кресла и некоторое время изучающе рассматривал сидящего напротив него человека. Когда он наконец заговорил, в его голосе звучало явное сомнение.

– Павел Дмитриевич. Я понимаю, в нашем регионе твое «Сибдо», можно сказать, крупнейший игрок, но и ты должен понять: этим контрактом не только местные интересуются. Это такой пирог, что всем нравится.

– Сколько, Иван Юрьевич? – настойчиво повторил Рассказов.

– С учетом того, что весь комплекс работ оценивается в семнадцать–восемнадцать миллиардов, – начал было неторопливо рассуждать Сергиевич, но под тяжелым, пристальным взглядом Рассказова вдруг запнулся, – миллиард.

– Сколько? – изумленно переспросил Павел Дмитриевич. – Не чересчур будет?

– А я не знаю, Павел Дмитриевич, – невозмутимо отозвался Сергиевич, – как это для тебя будет, чересчур или нет. Ты мне сам скажи. Если для тебя циферка неподъемная, так есть другие люди, у которых карманы могут пошире оказаться.

Над столом, стоящим на открытой, расположенной в тени уходящих в небо сосен террасе, повисло напряженное молчание.

– Это всего шесть процентов от суммы контракта. В конце концов, не так уж и много. – Губернатор вновь потянулся к наполненному холодным квасом графину.

– Не много? – возмутился Рассказов. – Из этого проекта максимум, что можно выдать, – это пятнадцать процентов.

– Два с половиной миллиарда, – мгновенно подсчитал в уме Сергиевич, – очень даже недурственно. Тебе полторашечка, между прочим, перепадет.

– Я сказал, максимум, – мрачно покачал головой Павел Дмитриевич, – по факту это может быть и двенадцать, а то и всего десять. Да и к тому же мне ведь средства будут поступать поэтапно, траншами, а вы свой процент, я так понимаю, хотите снять прямо сейчас полностью.

– Так что, дорогой мой, ты отказываешься? – Губернатор прищурился, поднося к губам стакан с квасом. – Хоть кваску тогда выпей, а то непонятно ведь, зачем приезжал тогда.

– Я должен подумать, – поднялся из-за стола Рассказов.

– Сутки, – мгновенно сориентировался Сергиевич, – не больше. И, если завтра я получаю четкий положительный ответ, еще трое суток на то, чтобы перечислить деньги.

Павел Дмитриевич коротко кивнул и, не попрощавшись, тут же сбежал по ступеням террасы и торопливо зашагал по выложенной брусчаткой дорожке в сторону гостевой парковки.

* * *

Трошин опустил солнцезащитный козырек и увеличил громкость аудиосистемы. «Может, будет хоть день, может, будет хоть час, когда нам повезет». Николай знал песню наизусть и сейчас, как и в других случаях, когда в машине с ним никого не было, с удовольствием подпевал Цюю. Похоже, что этот день, «когда нам повезет», наконец настал. Трошин сильнее надавил на педаль газа, и мощный «лендкрузер» откликнулся на команду радостным ревом дизельного мотора. Хотя, чего уж душой кривить, не сказать, что ему до этого не везло. Свой бизнес имеется, конечно, не бог весть что, небольшой мотель на въезде в город да стоянка для дальнобойщиков, но ведь доход дает стабильный, причем круглый год. Хватает и на хорошую машину, и на то, чтобы всей семьей два, а то и три раза в год укатить на пару недель в какой-нибудь тропический рай с бесплатными коктейлями и аниматорами. Аниматоры – это обязательно, надо, чтобы хотя бы на море Ленка имела возможность немного расслабиться и отдохнуть от детей. Да уж, когда у тебя растет пятилетний шаловливый бесенок, а в придачу к нему трехлетняя, не по годам шустрая большеглазая принцесса, готовая в любой момент перейти от оглушительного, заливистого смеха к точно такому же оглушительному реву, нужно хотя бы иногда иметь возможность просто лежать на шезлонге, глядя, как океанские волны одна за другой набегают на бледно-желтую песчаную полоску пляжа и, осев, обессиленные, уползают обратно в океан. Во всяком случае, Ленка проводила отпуска именно так. Отрешившись от всего и от всех, укрывшись за непроницаемыми темными стеклами солнцезащитных очков.

Николай вздохнул, пытаясь вспомнить, когда его жена выходила из одного из двух своих привычных состояний. Я занята, и я устала. Третьего не дано. Хотя возможно, сегодняшняя новость заставит даже ее прийти в хорошее настроение. Посещение кабинета Миткевича оказалось не просто удачным, оно превзошло все самые смелые ожидания. Совместно изучив проектную карту планируемой объездной дороги, они обнаружили отличный, вернее, просто великолепный участок в два гектара земли, принадлежащий району, но абсолютно ему не нужный. Участок непосредственно граничил с будущей трассой, а еще он находился совсем недалеко от Савватеевского – довольно большого поселка, к электрической сети которого можно было без проблем подключиться.

– А самое главное, – ткнул пальцем в карту Миткевич, – на поселок целых два поворота запроектировано, и один непосредственно перед твоим участком.

– Моим? – хмыкнул Трошин.

– Твоим, Коля, твоим, – решительно заявил Дмитрий Евгеньевич, – если мы все решили, значит, участок твой будет. Завтра же его выставим на торги, и через пару недель выкупишь по кадастровой стоимости. Не думаю, что кто-то еще успеет подсуетиться и составить тебе конкуренцию.

– Ну да, съезд с трассы – это самое главное, – Николай вновь склонился над картой, – а то ведь с дорожниками согласовать почти ничего невозможно, да и за свой счет выезд строить, без штанов ходить будешь, и все равно денег не хватит.

– Ну вот, радуйся, Коля, что у твоей жены такой дядя замечательный, – Миткевич самодовольно ухмыльнулся, – можешь пока в штанах походить. Но ты деньги все равно готовь, за землю сразу перечислить надо будет, чтобы комар носа не подточил, да и остальные чтоб носами не водили.

– Уж на это найдется, – кивнул Трошин, – там, поди, не такая большая сумма. А как только землю оформлю, сразу можно будет в банк идти, оформлять кредит на строительство.

– Ну и замечательно, – подытожил Дмитрий Евгеньевич, – покупай, строй, я потом приеду, ленточку перережу на открытии.

Николай уже собирался покинуть кабинет мэра, когда вспомнил, что совсем упустил из вида самый важный момент.

– Дмитрий Евгеньевич, – он крепко стиснул ладонь Миткевича, – спасибо тебе, сильно меня выручил. Ты мне скажи только, что с меня причитается. Я посуечусь быстренько, отблагодарю.

– Суетливый ты мой, – усмехнулся мэр, – ладно, давай уж по-родственному, по минималке с тебя возьму.

– А минималка сейчас это сколько? – уточнил Николай.

– Миллион, – быстро отозвался Миткевич и укоризненно покачал головой, – надо бы знать расценки.

– Недурственно, – заметил Трошин и тут же осекся под тяжелым, холодным взглядом Миткевича. – Я все понял, Дмитрий Евгеньевич, сделаю в лучшем виде.

– В лучшем не обязательно, можно в обыкновенном, – Дмитрий Евгеньевич многозначительно покосился на дверь, давая понять, что аудиенция окончена, – сюда только тащить не вздумай.

Зеленый глаз светофора отчаянно заморгал, Трошин еще сильнее утопил в пол педаль газа и успел проскочить перекресток на желтый. Миллион – минималка! Неплохо устроился Дмитрий Евгеньевич. Если такие расценки на районном уровне, то сколько тогда берут на областном? А еще выше? Ладно, это не его ума дело, каждый крутится как может. Сейчас главное – не упустить свой собственный шанс. Если он за то время, пока будут делать объездную дорогу, успеет построить новый мотель с просторной стоянкой, так, чтобы сотня фур запросто умещалась, с магазинами, небольшим автосервисом, то у него просто не будет конкурентов. Сейчас-то ведь в городе целых четыре стоянки, явный перебор. Все кое-как в плюс выходят, а о большем и не мечтают. А вот если он будет один, да еще сумеет сделать заведение по высшему разряду, так чтобы и сервис был приличный, и цены при этом не задирать, тогда от дальнотбойщиков отбоя не будет. Все затраты за несколько лет окупить получится. Хороший, очень хороший вышел сегодня день! Ленка, когда узнает, довольна будет.

Моргнув поворотниками, «лендкрузер» прижался к тротуару.

– Ну наконец-то! Я уже думала, ты про меня забыл.

Трошин подумал, что можно было и не хлопать дверью автомобиля с такой силой, но сдержал досаду и улыбнулся.

– Ты не представляешь, какой у меня сегодня день вышел. Удачный!

– Да? – Она вздернула брови вверх, пытаясь изобразить заинтересованность. – И что же такого удачного за день произошло?

– Был у нашего дорогого мэра, – он заметил, что при упоминании Миткевича ее лицо непроизвольно подобрело, – в общем, он выделяет мне участок земли, прямо у объездной дороги.

– Так объездной же еще нет пока.

– Сегодня нет, – усмехнулся Николай, – а завтра уже делать начнут. Пока они будут с дорогой возиться, я успею новый мотель построить. Большой, не то что сейчас. Автосервис, магазины, заправка, в общем, все в одном месте. А самое главное, когда объездная откроется, у меня на этом участке дороги конкурентов вообще не будет. Выведу бизнес, так сказать, на новый уровень.

– Колюня, – она недовольно поджала губы, – а давай ты мне про бизнес как-нибудь в другой раз расскажешь. Я уже тут сколько времени в машине сижу, а ты меня даже не поцеловал ни разу.

Николай с готовностью потянулся к пассажирскому креслу. Его рука коснулась золотистых, вьющихся локонов, а губы жадно впились в приоткрытые, ищущие поцелуя Маринкины губы.

Глава 6, *в которой Хованский на Лунина сердится, а Светочка из-за него расстраивается*

– Ты идиот?

Сочтя вопрос риторическим, Илья в ответ промолчал. Хованский швырнул на стол заявление Лунина об отпуске, выскочил из-за стола и начал раздраженно расхаживать по кабинету из стороны в сторону.

– Молчишь, Лунин? – осведомился генерал-майор. – Не знаешь, что ответить? А я тебе сам скажу. Ты, может, и не совсем идиот, но какая-то часть мозга, которая за здравый смысл отвечает, у тебя периодически отключается.

Лунин предполагал, что, скорее всего, за здравый смысл отвечает весь мозг, целиком, но, не будучи в этом до конца уверен, вновь решил промолчать.

– Вот прошлый раз у тебя отключение было, когда ты один в Новосибирск потащился, – все больше распалялся Хованский, – чем дело кончилось? Тебя, дурака, еле откачали, а потом еще и лечили за казенный счет два месяца. Или больше?

– Два с половиной, – честно признался Лунин. – Ну не будут же меня в Одинске снова бить. В конце концов, я хочу только пообщаться с коллегами. Посмотрю дело. Если у меня не будет вопросов, я на следующий же день оттуда уеду.

– Илюша, – Хованский буквально подпрыгнул на месте от возмущения, – Илюша, очнись! Ты кто такой, чтобы тебе дело показывали? Какое ты к этому делу отношение имеешь, кроме того, что ты родственник главного подозреваемого? Хотя, какой он там главный, он единственный! Других нет. Ты это понимаешь?

– Вот именно этот момент я и хочу уточнить. – Лунин чувствовал, как от пристального взгляда начальника областного управления, а еще больше от его становящегося все громче крика у него начинает шуметь в голове и стираются из памяти заблаговременно заготовленные дома фразы. – Должны же они были рассматривать и другие версии. Хотя бы ради приличия.

Хованский стоял, упершись сжатыми кулаками в стол, и лицо его не выражало ничего, кроме крайней степени возмущения. В голове Ильи промелькнула мысль, что сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы использовать свой последний аргумент, но остановиться он так и не смог.

– На отпуск я в любом случае имею право, так что моей поездке в Одинск помешать все равно ничто не может. Но если вы дадите распоряжение, чтобы мне дали ознакомиться с материалами дела, я вернусь быстрее.

– Вон оно как.

Дмитрий Романович машинально потер горло, как он делал обычно в минуты самого сильного волнения. Обычно после такого жеста он извлекал из шкафчика очередную бутылку с подаренным коньяком и несколькими большими глотками снимал накопившееся в организме напряжение, но на этот раз Хованский, проявив небывалую для себя выдержку, всего лишь взмахнул рукой и со всей силы врезал кулаком по деревянной столешнице. Столешница удар выдержала, а генерал, издав шипящий и ругательный набор звуков, схватился за ушибленную руку.

– Может трещина в кости быть, – посочувствовал Илья.

– Заткнись, Лунин, заткнись за ради бога!

Нянча стремительно опухающую ладонь, Хованский вернулся в свое кресло.

– С Рокси Светка будет возюкаться или опять мне подкинешь?

Вздрогнув от неожиданности, Илья изумленно уставился на начальника управления.

– Если ты и сейчас будешь молчать, я точно решу, что ты идиот, – просипел Дмитрий Романович.

– Она со мной поедет, – быстро пришел в себя Лунин.

– Ну да, вдвоем-то оно завсегда сподручнее, – неожиданно добродушно согласился Хованский, а затем все тем же мягким, отеческим тоном добавил: – Пошел вон отсюда, пока я не передумал.

* * *

Лунин проснулся рано, до звонка будильника, установленного на шесть часов, оставалось еще почти сорок минут. Некоторое время Илья лежал неподвижно, разглядывая темно-серую гладь натяжного потолка, затем аккуратно выбрался из-под одеяла и нашарил ногами тапочки. На кухне уже все было готово к его отъезду. На полу лежала большая спортивная сумка, в которую Светочка с вечера уложила комплект свежесглаженного постельного белья, спортивный костюм, брюки, две футболки, столько же трусов и целых три пары носков, а сам Лунин добавил ноутбук и электронную читалку. Джинсы и серая навывпуск рубашка висели на спинке стула. Илья быстро оделся. Оставалось только достать из холодильника еще вчера приготовленные Светочкой пластиковые контейнеры с котлетами и бутербродами и приготовить термос с кофе. Электрический чайник, нагреваясь, зашумел, и Лунин не услышал тихих шагов в коридоре.

– Уже собираешься?

Светочка стояла на входе в кухню, прижавшись к стене, одетая в одну лишь полупрозрачную ночную рубашку. Она показалась Илье такой маленькой и беззащитной, что у него неожиданно вдруг пронзительно защемило в левой стороне груди.

– Что-то не спится. – Илья шагнул к Светочке и, наклонившись, прижался губами к ее лицу.

Вода в чайнике забурлила, закипая, а затем послышался громкий щелчок.

– Я тебе наведу кофе.

Светочка мягко отстранилась от Лунина. Рука Ильи скользнула по Светочкиному плечу, на мгновение задержалась на бретельке ночнушки, но затем его пальцы разжались.

– Ты все еще сердишься?

Светочка ответила не сразу. Она насыпала в термос три чайные ложки кофе, затем добавила столько же ложек сахара.

– Ты не представляешь, как Дмитрий Романович на тебя ругался. Я таких слов от него никогда не слышала. Он говорит, что это худшее из того, что приходило тебе в голову.

Светочка говорила не оборачиваясь. Лунин услышал, как журчит льющаяся из чайника в термос вода, и почувствовал тяжесть внизу живота.

– Может, ты останешься? – Наполнив термос, Светочка наконец обернулась. – Дмитрий Романович обещал, что это дело сам на контроль возьмет. Если там есть хоть какая-то зацепка, он...

– Я на минуточку отлучусь, – смущенно выдавил из себя Лунин, – мне очень надо. Я быстренько.

Светочка хотела было что-то ответить, но неожиданно для Ильи всхлипнула, плечи ее опустились и задрожали. Не зная, что ему предпринять, Илья неловко потоптался на месте, бочком вышел из кухни и заперся в туалете.

* * *

Дорога до Одинска заняла у Ильи чуть больше трех часов, с учетом заезда на заправку и еще одной остановки, за время которой Лунин расправился со всеми бутербродами и половиной запаса кофе в термосе, а Рокси успела сделать несколько кругов вокруг машины, пометить окрестные кусты и выпросить у Ильи колбасу с одного из бутербродов. Всю оставшуюся часть поездки болонка провела, уютно свернувшись клубочком на пассажирском сиденье и сладко посапывая, Лунин же был настолько погружен в свои размышления, что даже не включал радио, и ехал в полной тишине, изредка прерываемой поскуливанием Рокси, которой, очевидно, снилось что-то не очень приятное.

Причиной лунинских раздумий были, как ни странно, книги. За время, проведенное в больничном стационаре, у Ильи появилась несколько странная и не разделяемая ни одним из коллег по работе в следственном комитете привычка читать. К удивлению самого Лунина, оказалось, что читает он достаточно быстро, а поскольку на его время в больнице по большей части никто не претендовал, то он частенько за день прочитывал книгу целиком, а иногда даже две. Книги приносила ему Светочка. Точнее, она скачивала их в электронном виде на ноутбук, а приходя в палату, копировала на электронную читалку, которая была куплена для Лунина еще на второй день его пребывания в больничных стенах.

Как и положено человеку, посвятившему себя борьбе с преступностью, дослужившегося до звания майора и должности старшего следователя по особо важным делам, Лунин читал исключительно детективную литературу, причем в большинстве своем иностранные детективы. Перечитав за время своего вынужденного ничегонеделания несколько десятков «мировых бестселлеров», а Светочка по заданию Лунина скачивала лишь те книги, которые попадали в эту величественную категорию, Илья пришел к неутешительному для себя выводу. Он сам, следователь Лунин, вряд ли смог бы стать героем, вернее, прототипом героя детективного романа. Проблема была в том, что Лунин совершенно не подходил на роль героя в принципе, а уж на роль героя романа тем более. Все эти популярные, издаваемые многотысячными тиражами персонажи были обладателями одной, а то и нескольких уникальных особенностей, которые мгновенно выделяли их из серой, безликой толпы, пробуждали к ним любовь и сострадание читателей. Да, сострадание, кивнул сам себе Илья, машинально отметив, что отъехал от Среднегорска уже на сто восемьдесят шесть километров. А как же не сострадать, когда почти у каждого героя в жизни была драматичная страница биографии, которую он мог открывать снова и снова, чтобы погрузить самому и заставить пустить слезу сентиментального читателя.

В сравнении со всеми ними, облаченными в могучую броню уникальных навыков и трагических судеб, Лунин был абсолютно гол, а все, чем он мог прикрыться, была лишь куцая набедренная повязка абсолютной заурядности, над которой нависал еще не очень большой, но уже вполне заметный животик.

На мгновение Илье стало так себя жалко, что он отчаянно стиснул руль и вдавил до упора педаль газа, но, вовремя заметив знак, предупреждающий об установленной на трассе камере, вновь сбросил скорость.

Обидно, на самом деле обидно, рассуждал Лунин, он не владеет чудесами дедукции и не умеет играть на скрипке, не имеет уникальных навыков крадущихся в темноте и не знает, где у него в организме прячется энергия дзи и есть ли вообще у него эта энергия. У него нет ампутированной ноги, да и вообще все конечности пока целы, ему не натирает изо дня в день протез, и он не является внебрачным сыном стареющей рок-звезды, наркомафия не убивала никого из его родственников, и он не клялся на кладбище под проливным дождем отомстить за смерть близких. В конце концов, он даже не был алкоголиком, погубившим своего напарника. Он был вполне благополучным, весьма упитанным мужчиной среднего возраста, такого же

среднего звания, а единственным относительно значимым событием в личной жизни Лунина был развод с первой женой, Юленькой, который на самом деле прошел совершенно незаметно и никаких чувств, кроме облегчения, у обеих разводящихся сторон не вызвал.

Столь грустные, наслаивающиеся одно над другим рассуждения Ильи в одно мгновение рассеял не очень большой, прямоугольный кусок железа. Точнее, это был дорожный указатель, как и положено подобным указателям, установленный на недавно подкрашенном белой краской и немного покосившемся металлическом столбе. «Одинск», – успел прочесть Лунин промелькнувшую за окнами автомобиля надпись.

Глава 7, *в которой Трошин движется к своей цели, а Рассказов лучше узнает Москву и москвичей*

Три года назад

Стандартная банковская пачка пятитысячных купюр весит чуть больше, чем сто граммов. Согласно стандарту, ее максимальный вес не может превышать ста двух граммов. Миллион, а это две пачки пятитысячных купюр, весит всего двести с небольшим граммов. Сушная безделица. Правда, эта безделица превращается в весьма ощутимую ношу, если у тебя при себе таких пачек не две, а целая тысяча. Пятьсот миллионов рублей, больше ста килограммов денег, ста килограммов ручной клади. Хотя Рассказов взял с собой сразу трех охранников, у них все равно получился весьма ощутимый перевес. В бизнес-классе максимальный разрешенный вес составлял всего лишь пятнадцать килограммов, то есть шестьдесят на четверых. Еще за сорок пришлось доплатить. Павел Дмитриевич оглянулся на застывших рядом с ним охранников. Двое из них сжимали в каждой руке по двадцатипятикилограммовой сумке с деньгами, еще один держался чуть в стороне, руки его были не заняты грузом и готовы в любой момент выхватить недавно полученное от службы безопасности аэропорта оружие. Да уж, на поездку в Москву пришлось немного потратиться. Рассказов усмехнулся. Эти траты были просто мизерны в сравнении с той выгодой, которую сулила эта поездка.

Как ни крути, а Сергиевич зарвался. Миллиард, это же надо иметь такую наглость. Он что, думает, губернатор – это пуп земли? Таких пупков в стране сотни, и каждый в любой момент может развязаться. Нет, настоящая власть в Москве, и только в Москве. Понятно, конечно, что та власть, которая Власть с большой буквы, скрывается где-то за кремлевскими стенами, и ему, Рассказову, до нее, увы, не добраться, но ведь есть и другие люди, которые тоже могут решать вопросы. Каждый – свой ограниченный круг, надо лишь найти такого человека, в круг возможностей которого входит и вопрос организации тендера в Среднегорске. Конечно, губернатор полагает, что он и есть этот самый человек, но ведь, как это ни странно, в Министерстве дорожного строительства думают немного иначе.

Выход на заместителя министра был у Рассказова довольно давно, правда, пользы от подобного знакомства до сих пор извлечь не удавалось. Мелкими, регионального уровня, вопросами чиновник не занимался, да сам Павел Дмитриевич предпочитал решать проблемы по месту их возникновения. По своему богатому опыту он знал, что так будет гораздо дешевле. Крупных же, требующих для их решения окрика с верхних этажей вертикали власти, неприятностей Рассказов до последнего времени благополучно избегал. И вот, в конце концов, столкнулся. Как «Титаник». Павел Дмитриевич кивнул охранникам и двинулся вперед, к выходу из здания аэровокзала. Еще посмотрим, дорогой Иван Юрьевич, кто из нас в данной ситуации «Титаником» окажется. Самого себя не страдающий завышенной самооценкой Рассказов айсбергом, конечно, не считал, но вот возможность немного прокатиться на холодной бездушной машине, каковой представлялась ему государственная власть, он хотел использовать по полной программе. Ничего страшного, что эта поездка обойдется ему в пятьсот миллионов. Сумма, конечно, немаленькая, но ведь она ровно вдвое меньше той, что запросил Сергиевич.

До расположенного прямо напротив Кремля «Националя», заказанный заблаговременно бронированный микроавтобус частной инкассаторской службы добрался без происшествий,

если не считать необыкновенно долгого стояния в пробках, которые обычно летом с окончанием учебного года хоть немного, но уменьшались.

Рассказов забронировал «Кремлевский люкс» – расположенные на четвертом этаже трехкомнатные апартаменты с видом на Кремль и Манежную площадь. На самом деле он снял сразу два люкса – один для себя, второй для охранников, но в ожидании момента, когда деньги передадут по назначению, они вчетвером сидели в гостиной одного из номеров и коротали время за партией в преферанс. Павел Дмитриевич немного проигрывал, но настроение у него после каждой раздачи только улучшалось.

– Не везет мне в картах, повезет в любви, – философски изрек Рассказов после особенно неудачного мизера и взглянул на часы. До встречи оставалось всего пятнадцать минут. – Закругляемся, парни. Вы меня и так неплохо обобрали сегодня.

В дверь постучали всего на минуту раньше оговоренного времени. Один из охранников приоткрыл дверь, еще двое, держа оружие на изготовку, заняли незаметные от входа позиции. Стоявший в коридоре человек негромко назвал свою фамилию. Дверь распахнулась чуть шире, давая возможность войти внутрь.

– Ждите здесь, – коротко скомандовал визитер двум сопровождавшим его крепким мужчинам в строгих черных костюмах и, не дожидаясь какого-либо ответа, тут же проследовал в номер.

Сидящий в расположенном у окна кресле Рассказов внимательно рассматривал появившегося в номере посетителя. Молодой человек, на вид нет еще и тридцати, худощавый, с тонкими, резкими чертами лица и аккуратным пробором черных, смолянистых волос.

– Ракицкий, – взглянув на напряженно застывших охранников, молодой человек едва заметно улыбнулся и очень плавно, почти как в замедленной съемке, извлек из внутреннего кармана пиджака удостоверение, – референт Вадима Юрьевича.

Поднявшись из кресла, Рассказов внимательно изучил удостоверение посетителя и лишь затем протянул молодому человеку руку для рукопожатия.

– Я так понимаю, у вас все готово. – Референт бросил взгляд на лежащие под письменным столом сумки. – Вадим Юрьевич просил передать: вернувшись в Среднегорск, приложите усилия, чтобы конфликт с губернатором не перешел в открытое противостояние. Мы дадим ему понять, что он залез на чужую территорию, – молодой человек вновь едва заметно улыбнулся, – но надо постараться максимально сгладить все негативные последствия этой ситуации.

– Легко сказать, – с сомнением вздохнул Павел Дмитриевич, – мне кажется, когда Сергеевич поймет, что деньги прошли мимо него, он ни о чем другом долго думать не сможет.

– Вот и напрасно, – улыбка на лице посетителя стала более отчетливой, – если не ошибаюсь, у него до новых выборов осталось чуть больше года. Так что, о чем подумать, все ж найдется, главное, чтобы эта способность в принципе не была утрачена. Ваши люди вынесут сумки в коридор, – не меняя выражения лица, сменил тему разговора молодой человек, – или мои могут зайти?

– Парни! – Рассказов кивнул, указывая на сумки. – Выносите имущество. Мое почтение Вадиму Юрьевичу.

Мужчины вновь обменялись рукопожатием.

– Вадим Юрьевич постарается позвонить вам сегодня, – референт заместителя министра взглянул на часы, – но, скорее всего, уже вечером, не раньше восьми. Сами понимаете, – лицо молодого человека вдруг стало необыкновенно серьезным, – служба.

– Ну да, понимаю, – вздохнул Рассказов, глядя, как пятьсот миллионов рублей покидают его апартаменты.

* * *

Трошин ткнул вилкой в последний лежащий на тарелке ломтик жареной картошки и, обмакнув его в остатки кетчупа, с наслаждением отправил в рот. Жареную картошку, особенно обильно приправленную кетчупом, Николай обожал с самого детства.

– Можно, пожалуй, и повторить. – Он взглянул на успевшую поужинать до его возвращения жену, которая что-то внимательно изучала в своем смартфоне.

– Больше нету, последнее было, – буркнула, не поднимая головы, Ленка, – сытость за двадцать минут до организма доходит. Можешь пока чайку попить.

– А двадцать минут мне, значит, мучиться, – проворчал Николай, выбираясь из-за стола, – можно было и побольше пожарить.

– Вот сам бы приехал домой хоть раз пораньше, начистил да пожарил, вот и было бы тебе побольше, – наконец оторвала голову от телефона жена. – Я тоже здесь с двумя детьми не на печи целый день лежу. Все время то одно, то другое.

– Лена, – Трошин раздраженно опустил тарелку в мойку, та с силой ударилась о бортик, но осталась цела, – это же магазинная картошка. Это дольки, я их сам покупал в субботу. Их не надо чистить, их надо просто побольше на сковородку выложить. Могу я за весь день поесть так, чтоб нормально наестся?

– Ой, ты посмотри на него, – с готовностью вступила в схватку супруга, – весь день не доедает. Что же это, тебя в твоей собственной забегаловке кормить перестали? Али там шибко дорого?

– Я ведь просил тебя. – Николай повернул кран, но шум бегущей воды не помешал ему слышать очередной выпад Ленки.

– Конечно, это же не забегаловка, как я могла забыть, – жена встала с дивана и подошла на несколько шагов ближе, чтобы быть точно уверенной, что каждое ее слово достигло цели, – это же заезжаловка. Туда ведь пешком не дойдешь. Хотя, как по мне, там ни пешком, ни верхом делать нечего.

Николай знал, что у жены были весомые причины недолюбливать его мотель, хотя, на его взгляд, у всех у них уже давно истек срок давности. Три года назад они с Ленкой как-то раз вместе заехали пообедать в «Радужный», чего обычно никогда не делали. Оба они были голодны, двухлетний Темка капризничал, а полугодовалая Иришка категорически отказывалась слезать с рук и ложиться в коляску. В итоге Трошин отправился на кухню, чтобы потопить поваров, и сделал это с таким усердием, что принесенный им вскоре шашлык, хоть и был замечательно замаринован и аппетитно пах, внутри оказался сыроват. Ленка, которая за время ожидания окончательно проголодалась, высказала мужу свое фи, но расправилась со всей порцией. Можно было бы считать, что инцидент исчерпан, почти не начавшись, но через пару часов у Ленки скрутило живот, и она, сделав вполне обоснованный вывод, что во всем виноваты подчиненные Николая, а значит, и он сам, высказала ему все, что думала о его придорожном бизнесе по полной программе, причем сделала это несколько раз, после каждого своего возвращения из уютной комнаты, украшенной итальянской кафельной плиткой и таким же итальянским унитазом.

Вполне возможно, что этот неприятный, но все же не очень значительный эпизод постепенно стерся из Ленкиной памяти, если бы спустя всего три месяца она не заподозрила, что муж крутит роман с одной из продавщиц расположенного в мотеле продуктового магазинчика. Подозрения Ленки были вполне оправданы. Магазин был открыт круглосуточно, а продавцы работали сутки через трое. Отработав свою смену, маленькая черноглазая Танюшка поднималась на второй этаж, где в одном из свободных номеров ее уже ждал Трошин. Отношения эти длились уже около года, а начались они в то время, когда беременную супругу вначале поло-

жили в роддоме на сохранение, а после осчастливили советом на некоторое время воздержаться от сексуальной активности. Намеки Николая о том, что существуют некоторые альтернативные пути получения удовлетворения, жена вначале просто игнорировала, а в конце концов известила супруга, что в число альтернативных вариантов входит и возможность получения самостоятельного удовольствия, закрывшись в ванной комнате.

Гнев Николая и сопутствующий ему поток обидных и порой даже оскорбительных слов иссяк, как только Ленка, обхватив обеими руками живот, медленно опустилась на кровать и еле слышно произнесла:

– Ой!

После второго, чуть более громкого «ой», Трошин бросился к супруге, осыпая ее вопросами. Что болит? Где болит? А сильно? А надо ли вызвать скорую?

После того как выяснилось, что болит не так уж и сильно и скорую вызывать пока нет необходимости, Ленка с помощью Николая, подложившего ей под спину сразу две подушки, удобно устроилась на кровати и приступила к просмотру очередного сериала, а сам Трошин отправился на кухню готовить ужин. С того вечера в жизни супругов вновь воцарились покой и благополучие. Во всяком случае, так считала Ленка. Что обо всем этом думал Николай, он никому предпочитал не рассказывать, но всего спустя два дня, приехав в «Радушный» за пятнадцать минут до конца Танюшкиной смены, он решительно подошел к прилавку и потребовал:

– Пачку «Парламента» легкого, – а затем, все так же не глядя на продавщицу, буркнул: – После пересменки в третий номер зайди.

– Доброе утро, Николай Владимирович. – Танюшка протянула Трошину сигареты и демонстративно захлопала ресницами, устремив взгляд на своего работодателя.

– Посмотрим, какое оно доброе, – проворчал Николай, расплачиваясь за сигареты.

Поднявшись на второй этаж, Трошин открыл дверь третьего номера и вошел внутрь. Комната была совсем небольшой, чуть больше железнодорожного купе, все ее убранство составляли две стандартные односпальные кровати и небольшая, кое-как уместившаяся между ними тумбочка. Ни туалета, ни даже умывальника в номере не было, все эти удобства располагались в конце коридора, что вполне устраивало останавливающихся в «Радушном» на ночлег водителей. Не разуваясь, Николай улегся на одну из кроватей и, заложив руки за голову и уставившись в потолок, начал ждать Таньку.

В том, что она придет, Трошин не сомневался. За двадцать лет, прошедшие с момента получения первого сексуального опыта, Николай пришел к выводу, что ухаживать за понравившейся женщиной нет никакого смысла. Если хочешь затащить кого-то в постель, надо всего лишь понять, как отнесется к этому объект твоего внимания, будет ли это желание взаимным. Если да, то тогда полный вперед, можно сразу же переходить к активным действиям, оставив этап долгих переглядываний, держаний за руку и гуляний по вечерним улицам тем, у кого на это есть время. Если же стремление уединиться отнюдь не взаимно, то тогда тем более нет смысла тратить время на цветы, походы в рестораны и романтическую болтовню у подъезда. Зачем? Если так хочется выпить с красоткой, то гораздо лучше сделать это прямо в постели после хорошего секса. Самое главное – суметь быстро понять, хочет ли тебя женщина, точнее, захочет ли она тебя, когда поймет, что ты хочешь ее. Все как в песне. Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она... Как это понять? Да очень просто. Надо всего лишь максимально убедительно поведать объекту своего внимания, что она красотка, причем такая, которая может свести с ума любого мужчину вообще и того, кто стоит перед ней, в частности. По сути, это то же самое, что сказать «я хочу тебя», только в немного завуалированной форме. Ну а дальше надо лишь внимательно следить за реакцией своей избранницы. Отступит ли она на шаг в сторону или предпочтет не увеличивать дистанцию, посоветует ли держать себя в руках или сведет все к шутке, блеснув при этом неожиданно появившимися в глазах огоньками... Тут как раз очень важно не пропустить эти самые огоньки.

Нечасто, но тем не менее бывает и так, что с ходу по внешним признакам реакцию женщины точно определить невозможно, в таком случае стоит сделать еще один, уже более однозначный комплимент, например, сообщить, что с такой безумно красивой женщиной вы могли бы всю ночь смотреть на звезды, причем готовы начать делать это прямо сейчас, независимо от времени суток. При этом, если есть такая возможность, стоит дружески положить руку даме на талию, точнее чуть ниже. Совсем чуть-чуть, ни в коем случае не на ягодицы. Ни одно ваше слово, а тем более действие, не должно быть оскорбительным. Так, всего лишь легкий, ни к чему не обязывающий флирт. Рука совсем немного перейдет границу дозволенного, и в тот момент, когда женщина отстранится, а почти любая женщина, если она не вконец распушена, сочтет своим долгом высвободиться из ваших объятий, по тому, как она это сделает, вы поймете, готова ли она вместе с вами смотреть на звезды.

С Танюшкой все было ясно с самого начала. Огоньки в ее глазах Трошин заметил уже давно, но, будучи, как он сам себя называл, относительно примерным семьянином, до поры до времени себя сдерживал.

И вот не сдержался. Когда дверь за появившейся в номере продавщицей негромко захлопнулась, Трошин молча вскочил с кровати, привлек девушку к себе и стиснул в объятиях. Какое-то время его руки беспорядочно обшаривали горячее, податливое тело, затем он резко повернул Таньку к себе спиной и толкнул на кровать. Было еще только начало сентября, природа продолжала одаривать людей, во всяком случае, тех из них, кто населял Одинск и его окрестности, теплыми солнечными днями, поэтому на Таньке из верхней одежды был лишь короткий летний сарафан.

В последнее мгновение Николай спохватился и достал из кармана висящих на коленях джинсов блестящий квадратик «Контекса». На несколько мгновений в комнате стало совсем тихо, а потом послышалось шумное, возбужденное дыхание Трошина, которому в том же ритме вторила постукивающая о стенку кровать. Шум этот продолжался совсем недолго, руки Трошина, сжимающие Танькину поясницу, обессиленно разжались. Николай быстро натянул на себя джинсы и молча вышел из комнаты. Когда спустя несколько минут он вернулся в номер, Танька сидела на кровати, уставившись в окно, выходящее на задний двор. Трошин сел на другую кровать и достал из кармана сигареты. Распечатав пачку, он протянул ее Таньке.

– Будешь?

Кивнув, она достала из пачки сигарету и сунула ее в рот. Николай щелкнул зажигалкой. Некоторое время они сидели молча, выпуская дым в распахнутое окно и разглядывая прикрученную к тумбочке табличку «Не курить».

– Мне идти надо. За мной муж должен сейчас приехать. – Танька выбросила недокуренную сигарету в окно.

– Еще повторим?

Трошин наконец оторвался от созерцания таблички и взглянул на Таньку. В глазах ее мелькнули уже знакомые ему огоньки.

– Повторим. Ты только не спеши так в следующий раз.

Танька послала Трошину воздушный поцелуй и выскользнула из комнаты. Взглянув на захлопнувшуюся дверь, Николай только покачал головой и пробормотал, обращаясь к самому себе:

– Ну и зачем мне это все надо?

Ответа на этот вопрос он не нашел ни в этот день, ни в последующие. Зачем эти, ставшие регулярными, встречи нужны Таньке, имевшей трехлетнюю дочку и мужа, который был моложе Николая почти на десять лет, Трошин не спрашивал. Каждый из них двоих получал от этих встреч то, чего ему по той или иной причине не хватало дома, а большего никто и не требовал. Единственным взаимным условием было лишь одно – сохранение слишком близкого общения в тайне от окружающих. Но сохранить в тайне от пусть и небольшого, но любопытного жен-

ского коллектива «Радужного» то, что в самих же стенах мотеля и происходит, было, конечно же, невозможно, и, как вскоре смог убедиться Трошин, что знают двое, то и жена знает.

Любовников спасло только то, что внезапно приехавшая в мотель Трошина не знала, в каком именно номере уединился ее супруг со своей пассией. Поэтому, недолго думая, Елена принялась колотить в первую попавшуюся дверь, которую ей, конечно же, никто открывать не спешил. В девять утра на втором этаже, как правило, уже никого не было. Дальнбойщики обычно трогались в путь в восемь, а то и раньше, ну а любители путешествовать на легковых машинах к этому времени обычно уже сдавали номера и перемещались в помещение кафе на первом этаже.

Гулкие, почти непрерывные удары в дверь и пронзительные выкрики Трошиной были прекрасно слышны в седьмом номере, в котором и находились Николай и Татьяна.

– Крику-то сейчас будет. – Танька натянула на голову одеяло.

– Нет, она нас, как найдет, молча убивать будет. – Трошин решительно сдернул одеяло с обнаженной любовницы. – Одевайся, только быстро.

– Ну да, если мы одетые будем, она сразу поймет, что мы в шахматы играли, – пробормотала, натягивая на себя белье, Танька, – только у нас шахмат нету.

– Так и нас тоже тут нет, – усмехнулся Трошин, распахивая окно. – Я есть, тебя нет.

– Ты меня что, в окно кидать собрался? – оторопела девушка.

– Чего уж сразу кидать. Спущу аккуратненько.

На мгновение высунувшись из окна и оценив обстановку, Николай стянул с кровати простыню и быстро затянул на конце тугой узел.

– Ручками за узел держисься, ножками в стену упираешься. Не перепутай, а то ни ручек, ни ножек не останется.

Седьмой номер, как и все нечетные номера, выходил на задний двор мотеля. В этом месте на первом этаже окон не было, и по стене можно было спуститься, не привлекая внимания. Задачу облегчала и расположенная под окном крыша небольшого летнего навеса, под которым некоторые, добравшиеся на работу своим ходом сотрудники ставили свои велосипеды, а еще было свалено всякое уже не нужное барахло, с которым непонятно что делать, но выбросить все еще жалко.

– Здесь от окна до навеса всего два метра, и ребенок справится. – Трошин посадил любовницу на подоконник.

– Я же девочка, – простодушно отозвалась Танька, крепко хватаясь за простыню.

– Да неужели? – не смог сдержать ухмылку Николай и начал перебирать руками по простыне, позволяя ей медленно, но безостановочно скользить вниз.

Крики и шум в коридоре постепенно становились все ближе. Как только Трошин почувствовал, что натяжение простыни ослабло, он в несколько стремительных рывков втянул ее обратно в окно. Развязать затянутый слишком туго узел оказалось непросто, на это ушло еще несколько драгоценных секунд. Николай захлопнул окно в тот самый момент, когда дверь номера содрогнулась от оглушительного стука и еще более громких криков:

– Открывай! Открывай, кобель драный!

Быстро расстелив смятую простыню на кровати и накинув поверх нее одеяло, Николай подошел к двери. На всякий случай перекрестившись, он отодвинул задвижку. Супруга, ворвавшаяся в номер с энергией молодого бультерьера, замерла посреди комнаты, настороженно озираясь по сторонам.

– Что-то с детьми? – особых усилий, чтобы придать лицу испуганное выражение, Николаю не потребовалось.

День выдался тяжелым. Мало того что так до конца и не поверившая ему жена вынудила Николая дать обещание уволить черноглазую продавщицу, а потом еще несколько часов изводила его расспросами и бесконечными беседами в явной надежде поймать мужа на каком-

нибудь противоречии, так кроме всего этого Николаю дважды за день пришлось доказывать супруге, как сильно он ее любит, а с учетом того, что он уже успел утром осчастливить любовницу, это оказалось совсем непростым испытанием для почти сорокалетнего мужчины. Тем не менее Николай перенес все выпавшие на него в тот день тяготы достойно, и маленькая ячейка общества под кодовым обозначением «Трошины» была сохранена, хотя, конечно, несколько потеряла былую привлекательность. Таньку Николай рассчитал на следующий же день, сделав ей прощальный подарок в размере заработной платы за шесть месяцев, после чего надолго потерял привычку обращать внимание на проходящих мимо или где-то встречающихся ему девушек и молодых женщин. Обращать внимание на немолодых женщин Николай не имел привычки и ранее.

В общем, жизнь постепенно вернулась в свою привычную, пусть и не самую широкую колею, но нелюбовь к «Радушному» и его сотрудницам в сознании Ленки засела накрепко и никуда исчезать не собиралась. Если все остальное время эту нелюбовь можно было фактически игнорировать, не раздражая супругу слишком частыми упоминаниями о принадлежащем им мотеле, то сейчас Трошину надо было набраться смелости и попытаться поговорить с женой откровенно.

* * *

Отправив охранников во второй люкс и приказав им сильно не расслабляться, Рассказов решил принять душ, чтобы уже потом, освежившись, спуститься вниз, в «Живаго», и немного перекусить. А можно будет и выпить малость. Никогда не злоупотреблявший алкоголем Павел Дмитриевич подмигнул своему отражению в зеркале. Такое дело провернул, грех не отметить. По-прежнему стоя перед зеркалом, Рассказов стянул с себя рубашку и бросил ее на кровать. Из зеркала за ним наблюдал мужчина лет пятидесяти, с подтянутым, но не чрезмерно мускулистым телом. Кто скажет, что стоящему посреди комнаты мужчине уже пятьдесят девять? Павел Дмитриевич напряг мышцы живота и с удовлетворением убедился, что все кубики пресса отчетливо различимы. А ведь каким дохляком по молодости был! Рассказов бросил еще один взгляд в сторону зеркала и уже потянул пряжку на ремне, собираясь снимать брюки, когда в дверь номера негромко постучали.

Накинув рубашку, Павел Дмитриевич распахнул дверь. Стоящий в коридоре худощавый молодой человек, пробежавшись взглядом по виднеющемуся из-под расстегнутой рубашки торсу, на мгновение задержал взгляд на кубиках пресса.

– Если не ошибаюсь, господин Рассказов? – Теперь молодой человек смотрел Павлу Дмитриевичу прямо в глаза, а на лице его появилась едва заметная тонкая улыбка.

До чего они тут в Москве все лыбятся противно, промелькнула мысль в голове Рассказова, вслух же он произнес только:

– Он самый, – после чего вопросительно уставился на незваного посетителя.

Молодой человек кивнул и, сунув руку во внутренний карман темно-серого, почти черного, пиджака, достал из него удостоверение.

– Ракицкий, – представился юноша, – референт Вадима Юрьевича. У вас все готово?

Молодой человек провел рукой по голове, приглаживая и без того идеальный пробор черных, смолянистых волос. Ошеломленный, Рассказов попятился назад, под защиту своего люкса, однако молодой человек, сочтя это за приглашение пройти внутрь, последовал за ним.

– У вас, случайно, брата нет? – пробормотал Павел Дмитриевич, чувствуя, что стены номера вовсе не защищают его, а, наоборот, начинают кружиться, постепенно набирая все большую скорость. – Тоже референта.

И без того тонкие черты лица молодого человека еще больше заострились, а изящные черные брови удивленно подскочили прямо на середину лба.

– Брата? Нет, брата у меня нет. А референт Вадиму Юрьевичу всего один полагается. Он ведь только заместитель министра. – Молодой человек грустно улыбнулся, давая понять, что подобное положение вещей не совсем устраивает и Вадима Юрьевича, и его самого, после чего уже более бодрим тоном добавил: – Пока. Пока только заместитель.

– Мать вашу за ногу, – Рассказов все же сумел ухватиться рукой за стену и остановить ее вращение, – ну-ка звони своему заместителю.

Увидев непонимающий взгляд молодого человека, Рассказов рявкнул:

– Вадиму звони, Юрьевичу. И упаси бог, если он вдруг не возьмет трубку.

После не очень продолжительного, зато весьма эмоционального разговора с заместителем министра ситуация прояснилась, но, к глубокому разочарованию Павла Дмитриевича, облегчения эта ясность ему не принесла. Стало очевидно, что молодой человек, явившийся за деньгами первым, бывший очень похожим на настоящего референта и даже предъявивший соответствующие документы, никакого отношения к Министерству дорожного строительства не имел. Имел ли он отношение непосредственно к заместителю министра, было пока неясно, но вслух в телефонном разговоре высказать свои сомнения Рассказов так и не решился. На его справедливое замечание, что лжереферент прибыл точно в назначенное время и, если бы настоящий посланец Вадима Юрьевича появился своевременно, аферист был задержан на месте, высокопоставленный чиновник дал четкий и несомненно такой же справедливый ответ:

– Это же Москва, Паша. Здесь приличные люди вовремя не приходят.

Закончив принесший ему лишь разочарование разговор, Рассказов машинально взглянул на часы. То, что в десять минут пятого представлялось исключительной, можно даже сказать, необыкновеннейшей удачей, к половине пятого обернулось столь же необыкновеннейшей катастрофой. Распрощавшись с уже вторым по счету за день референтом, Павел Дмитриевич вновь, теперь уже не глядя в зеркало, стянул с себя рубаху, а затем и брюки. Стоя под нещадно бьющими по спине и затылку струями горячей воды в душе, Рассказов периодически повторял одну и ту же, наполненную глубокого смысла и тоски фразу:

– Пятьсот миллионов... сам... своими руками... отдал! Москвичи... – после чего добавлял еще одно, не очень приличное слово, которым зачастую население различных провинциальных городов России как раз и именует жителей столицы, намекая, конечно, совершенно необоснованно, на их, если и не поголовную, то, во всяком случае, весьма распространенную принадлежность к сексуальным меньшинствам.

* * *

– Ну ладно, чаю так чаю. – Николай примирительно кивнул и достал из шкафа свою кружку. – Попьешь со мной?

Уже изготовившаяся к скандалу и не ожидавшая такого развития событий, Ленка только и смогла, что молча кивнуть в ответ. Разливая чай по кружкам, Николай услышал, как за спиной у него негромко хлопнула дверца духового шкафа.

– Я пирог испекла, – услышал он голос жены, – со смородиной.

– Пирог – это шикарно, – улыбнулся он в ответ.

Улыбка его была искренней, поскольку пироги Ленке действительно всегда удавались, хотя баловала мужа она ими совсем не часто.

– Тесто, правда, слоеное, не дрожжевое, – начала объяснять уже забывшая о намечавшемся скандале Ленка, – но мне кажется, тоже неплохо получилось.

Трошин мысленно перевел дух. Столь быстрая смена настроения жены была сейчас ему на руку. Конечно, он в принципе не любил домашних скандалов, но выяснять отношения сегодня, когда ему надо решить с Ленкой такой важный вопрос, было бы верхом глупости.

Чтобы окончательно задобрить жену, да и просто потому, что было очень вкусно, Николай проглотил целых четыре куска еще теплого пирога.

– Божественно, – простонал он, разглядывая еще один, несомненно, особенно вкусный уголок пирога. Угловые куски, по мнению Трошина, всегда были самые вкусные, поскольку имели корочку сразу с двух сторон. – Ленка, нам бы с тобой вопрос решить один, мелкохозяйственный.

– И насколько мелкий? – моментально насторожилась Ленка, ставя на стол кружку с недопитым чаем.

Трошин с трудом оторвал взгляд от пирога и посмотрел на жену.

– Я же тебе говорил, что покупаю землю под новый комплекс.

– Комплекс, – непонимающе переспросила жена, – про мотель говорил вроде, про комплекс что-то не припоминаю.

– Ну, это и есть мотель, – торопливо принялся объяснять Николай, – только не как сейчас, забегаловка и ночлежка. Все серьезно будет. И кафе поприличнее сделаем, и гостиницу побольше, магазин полноценный, заправку поставим. Может, даже автосервис сделаем. В общем, все в комплексе, в одном месте.

– Главное, чтобы не через одно место все вышло, – с усмешкой отозвалась супруга.

– Лена! – нахмурился Трошин. – Я, между прочим, это все не из башки выдумал, я такие комплексы несколько раз видел. Вот посмотришь, от постояльцев отбоя не будет. Твой дядя, – выложил основной аргумент Николай, – между прочим, тоже одобряет. Земельный участок он сам мне присоветовал.

– Так-то да, у него голова соображает, – согласилась Ленка, отчего Трошину вдруг стало немного обидно за свою собственную голову.

– Вот видишь, – подавил в себе обиду Николай, – но землю-то я купил, а теперь строить надо.

– Тебе от меня согласие, что ли, надо? – рассмеялась Ленка. – Строй, разрешаю!

– Замечательно, – хмыкнул Трошин. – А деньги?

– Что, деньги? У меня денег нет. Деньги сам знаешь, где выдают. Сходи в банк да попроси. Уж нам-то, думаю, не откажут.

– Ходил уже. – Николай удивился, как легко Ленка сама вывела его на финишную прямую сложного разговора. – Деньги они, конечно, дают, только им, понимаешь, залог нужен. Сумма ведь приличная, без залога никак не дают.

– Ну, так ты «Радужный» и заложи, – беззаботно предложила супруга, – старую богдельню заложишь, новую построишь.

– Мало им, – покачал головой Трошин и, зажмурившись, выпалил: – Дом еще в залог просят.

В гостиной стало так тихо, что Николай вдруг услышал, как где-то в начинающемся прямо за их забором лесу кукует кукушка.

– Дом, значит. – Ленка не глядя протянула руку к кружке с уже остывшим чаем. – А если что-то не так пойдет?

– Ну что там может не так пойти? – Николай нервно заерзал на стуле. – Объездную строить стопудово будут, тендер уже объявлен. Кроме меня, пока никто не сообразил, что делать надо, так что, когда дорогу запустят, я один открыться успею. Да и вообще, я карту смотрел, там больше нет подходящих участков. При таком раскладе вообще весь кредит года за три отобьем.

На некоторое время в комнате вновь воцарилось молчание.

– Хорошо, – наконец кивнула Ленка и тут же нахмурилась, – погоди лыбиться. Я Диме-то позвоню для начала, сама его послушаю. Если он все так же, как и ты, скажет, ну значит, так и быть, возьмем этот твой кредит, а если нет, то извини, я шею подставлять не буду.

– Звони.

Николай выскочил из-за стола и тут же принес жене ее лежавший на подоконнике телефон.

– Звони, радость моя!

Глава 8, *в которой собаке Лунина рады больше, чем ему самому*

Здание следственного комитета Лунин нашел без особого труда. Оставив машину на парковке и пообещав Рокси скоро вернуться, он поднялся по ступенькам невысокого крыльца и, перед тем как войти внутрь, оглянулся. Небольшая площадь, расположенная перед следственным комитетом, была превращена в стоянку для машин, посередине которой возвышалась шестиугольная бетонная клумба, сплошь усаженная бархатцами. На другой стороне площади пестрела вывесками остекленная коробка торгового центра, позади которой возвышались три шестнадцатиэтажных жилых дома. Судя по всему, это были самые высокие дома в Одинске. Крыша каждого из домов была украшена гигантскими пластиковыми буквами, которые все вместе складывались в одну многозначительную фразу.

– Одинск город смелых, – прищурясь, прочитал Лунин.

Почему, по мнению авторов лозунга, смелые люди должны были собираться именно в Одинске, было не очень понятно. Город, как на всякий случай вчера Илья уточнил в Википедии, был основан в 1955 году, не переживал нашествия половцев или печенегов, не видел Наполеона, и даже немецкая армада была разгромлена за десять лет до того, как в здешней тайге появились первые поселенцы. Таким образом, за всю свою недолгую историю город и горожане участия в боевых действиях не принимали, если, конечно, не считать достаточно продолжительного периода девяностых годов прошлого столетия, когда жители Одинска, особенно те, кто помоложе и покрепче, с энтузиазмом грабили и убивали друг друга и случайных приезжих, подвернувшихся им под руку. Возможно, надпись была поставлена в память именно о том времени, но, насколько мог помнить Лунин, сам большую часть девяностых бывший еще школьником, в те годы всплеском криминальной активности мог похвастаться любой город Среднегорской области, да и вообще любой другой регион страны.

– Город смелых, – пробормотал Илья, заходя в здание, – очень интересно.

Предъявив удостоверение дежурному и выяснив, в каком кабинете работает нужный ему следователь, Лунин неторопливо поднялся на третий этаж и нашел двадцать седьмой кабинет. Табличка на двери подтверждала, что он достиг пункта своего назначения.

– Шестакова И.В., следователь. – Илья скользнул взглядом по табличке и надавил на дверную ручку, запоздало подумав, что, возможно, стоило сначала постучать.

Сидевшая за столом женщина быстро повернула голову, на лице ее промелькнуло недовольное выражение. Надо было все же постучать, решил Лунин.

– Ирина Владимировна? – как можно дружелюбнее улыбнулся он хозяйке кабинета.

– Я вас вызывала? По какому делу?

Женщина бросила короткий взгляд на лежащий перед ней на столе ежедневник и вновь подняла глаза на посетителя. От ее взгляда Лунин вдруг почувствовал себя неуверенно, а все его планы выступить в роли эдакого знатока, навестившего затерянный на краю области городишко с целью пусть и не совсем официально, но поделиться мастерством в раскрытии особо тяжких преступлений, рассыпались в прах, так и не начав осуществляться.

– Я по делу Лунина.

Поскольку присесть Илье никто не предложил, он сам подошел к стулу для посетителей и уселся на него, закинув ногу на ногу. Ему казалось, что так он выглядит гораздо солиднее.

– По делу Лунина я на сегодня никого не вызывала. Вы кто?

– Я – Лунин. – Увидев, как лицо женщины замерло в удивлении, Илья положил на стол удостоверение. – Лунин Илья Олегович, двоюродный брат Анатолия Лунина. Мы с вами, можно сказать, коллеги.

Выдав последнюю фразу, Илья моментально покраснел. Он смущенно подумал, что словосочетание «можно сказать» использовал совершенно напрасно, и теперь Ирина Владимировна может обидеться, решив, что он не считает ее полноценным следователем или слишком выпячивает то, что он работает не в районном, а областном управлении.

– Вы уверены? – Голос Ирины Владимировны зазвучал еще холоднее, чем был до этого. – Лично я совсем не уверена, что могу называть вас коллегой.

– Это почему же? – опешил Лунин.

– В данном конкретном случае вы для меня – родственник подозреваемого, и только. Ни больше, ни меньше.

На мгновение Илья подумал о том, что Хованский мог сыграть с ним злую шутку, не позвонив в Одинское управление, а может быть, дело всего лишь в том, что местный руководитель забыл предупредить следователя или не успел этого сделать, не ожидая, что Лунин приедет так рано.

Пока возникающие в голове Лунина предположения сменяли друг друга, сплетаясь в клубок, исчезали, а потом вновь возникали из ниоткуда, Ирина Владимировна протянула руку к стоящему на столе городскому телефону и набрала короткий внутренний номер.

– Это Шестакова, – с невидимым собеседником она разговаривала почти так же строго, как с Ильей, – он приехал. Да, сидит у меня в кабинете. Хорошо, жду.

Судя по услышанной Луниным части разговора, о его визите Ирина Владимировна все же была предупреждена и теперь сообщила кому-то, скорее всего руководителю управления, о том, что незваный и, судя по ее лицу, неприятный гость появился. Помня о принятом в народе сравнении подобных персонажей с представителями татарской национальности, Лунин попытался представить реакцию Ирины Владимировны, если бы в ее кабинет вместо него вломился, размахивая кривой саблей, усатый и узкоглазый потомок Чингисхана. Хотя, кажется, его потомки – это монголы. Тогда почему в поговорке говорится именно про татар?

– Может, чайку? – предложил Лунин, как он это обычно делал, когда в его кабинет забежал поболтать кто-нибудь из коллег, но Шестакова лишь неприязненно взглянула на него в ответ. Илье показалось, что Ирина Владимировна собиралась что-то ему сказать, скорее всего, столь же холодное и колючее, каким был ее взгляд, но не успела, поскольку дверь за спиной Лунина распахнулась, и в кабинет стремительно вошел мужчина в форме подполковника, в одно мгновение поразивший Илью сочетанием удивительно маленького роста и не менее удивительного огромного живота. Казалось, что мужчина, перемещаясь в пространстве, не идет, а буквально перекачивается, и даже явно пошитая на заказ форма, довольно удачно сидящая на фигуре, ширина которой фактически равнялась высоте, не могла уменьшить комизма представшей перед глазами Лунина картины.

– Лунин Илья Олегович.

Вскочив на ноги, Лунин вытянулся во все свои сто девяносто три сантиметра, буравя взглядом начальника управления, но стараясь, чтобы взгляд его не падал на того сверху вниз. Судя по всему, Илье это удалось, так как, взглянув на Илью, подполковник удовлетворенно кивнул и коротко пожал ему руку.

– Присаживайтесь, а то мне туда наверх докрикивать тяжело будет. – Голос начальника управления оказался на удивление звонким, в нем даже было что-то женское, отчего у Ильи вдруг в сознании вспыхнуло и тут же погасло слово «евнух». – Как вы, Илья, добрались? Вы же не против, если я буду к вам «Илья» обращаться?

– Хорошо, – кивнул Лунин, отвечая на первый вопрос. – Не против, – тут же кивнул он снова.

– Вот и замечательно, – добродушно улыбнулся подполковник. – Забыл совсем, если вы вдруг не в курсе, Летягин Антон Александрович, команду здешним управлением. С Ирочкой,

думаю, вы уже познакомились? Следователь она замечательный, человек – просто золото, так что, уверен, у вас будет полное взаимопонимание.

Краем глаза Илья успел заметить, что лицо Ирины Владимировны подобного оптимизма не выражало.

– Дмитрий Романович мне вчера звонил, объяснил проблему, – продолжил между тем Летягин, – честно скажу, ситуация немножко, мягко говоря, щекотливая.

Ирина Владимировна хотела было что-то добавить, но подполковник успел погрозить ей пальцем.

– Так о чем это я? Щекотливая получается ситуация. Но ведь мы с вами кто?

Лунин, не моргая, смотрел на подполковника, всем своим видом давая понять, что ответ должен прозвучать непосредственно от него.

– Мы люди взрослые, – жизнерадостно провозгласил Летягин, – щекотки не боимся. Верно я говорю, Ирусик? К тому же просьба Дмитрия Романовича – это для нас для всех прямое и безусловное распоряжение к выполнению. Ты слышишь, Шестакова? Прямое и безусловное!

На мгновение жизнерадостность исчезла из голоса подполковника. Он взглянул на свою подчиненную и тяжело вздохнул, затем быстро перевел взгляд на Лунина.

– К тому же Дмитрий Романович охарактеризовал вас с самой лучшей стороны. – Улыбка вновь осветила круглое лицо подполковника. – Как же это он вчера сказал? – Летягин на секунду зажмурился, а потом процитировал: – Человек он любопытный, но неконфликтный. – Подполковник ткнул толстым коротким пальцем в бок Ильи. – Это Дмитрий Романович про вас. Так что любопытство ваше мы по мере сил будем удовлетворять, ну а раз вы неконфликтный, так и мы тем более.

Антон Александрович вновь взглянул на свою подчиненную и укоризненно покачал головой:

– Ирусик, вот ты сидишь, а человек, между прочим, с дороги. Ты бы хоть чайку ему предложила.

Взмахнув рукой на прощание, подполковник стремительно выкатился из кабинета.

– Своеобразный персонаж, – пробормотал Лунин, когда дверь за Летягиным закрылась.

– Это вы сейчас о его фигуре? – сухо уточнила Ирина Владимировна.

– Ну, как сказать, – Лунин смущенно пожал плечами, – в целом. Хотя фигура у него, конечно, тоже запоминающаяся.

– Раньше он совсем другим был. – В голосе Шестаковой вдруг послышались нотки сожаления. – Когда его к нам из Красноярского края перевели четыре года назад, его за глаза либо Мальчик-с-пальчик называли, либо Мизинчик. Ну а что, росточка он маленького, сам худющий был, лысый, ну вылитый мизинчик.

– И кто же это его так здесь откормил?

– Нашлись добрые люди, – неопределенно ответила Ирина Владимировна, не глядя на Лунина. Немного помолчав, она продолжила: – Три года уже прошло с того случая. Уж не знаю, с чего ему вечером гулять приспичило, но шел он вроде как в сторону своего дома. Часов десять уже, октябрь. Темно в это время, сами понимаете. Услышал какой-то шум поблизости, крики, ну и свернул посмотреть. А там на детской площадке парни молодые какую-то деваху тискали. Что там и как было, никто не знает, может, все и по согласию. Ни парней, ни девицы мы так и не нашли, но, со слов Антона Александровича, дамочка вырывалась, требовала, чтобы ее отпустили. Ну, Летягин и сунулся к ним, начал, так сказать, законность восстанавливать. Вот и восстановил на свою голову.

Шестакова тяжело вздохнула и, выйдя из-за стола, подошла к окну. На подоконнике стоял некогда белый, но пожелтевший от времени и накипи пластмассовый электрический чайник. Лунин, машинально переведший взгляд в сторону окна, со своего места видел две шестнадца-

тиэтажные башни из трех, возвышающиеся на другой стороне улицы. На крышах домов четко выделялись на фоне прозрачно-голубого, переходящего в белизну неба алые буквы: ГОРОД СМЕЛЫХ.

– Так вы чай будете пить? – Ирина Владимировна оглянулась, и впервые за время их недолгого знакомства Илье показалось, что во взгляде ее не было явной неприязни.

– Буду, – торопливо отозвался Лунин, – хотя, конечно, кофе было бы лучше.

Ничего не ответив, Шестакова щелкнула кнопкой чайника. Там же, на подоконнике, Илья заметил несколько кружек, небольшую коробочку рафинада и банку кофе.

– Так, а что потом было? – решил прервать немного затянувшееся молчание Лунин.

– Потом? – Ирина Владимировна стояла лицом к окну и, судя по высоко поднятой голове, тоже, очевидно уже в тысячный раз, перечитывала гордую надпись на крышах домов. – Потом Антон Александрович стал таким, как сейчас. Вам кофе с сахаром?

– Да, – кивнул Илья ей в спину, – два кусочка, если можно.

– Когда его обнаружили, у него оказалось три ножевых ранения, все в живот. Представляете? Вообще непонятно, как он с такой кровопотерей выжил, но через три дня его уже перевели из реанимации в обычную палату. Мы его чуть ли не всей толпой навещать ходили. А потом, – Ирина Владимировна поставила на стол перед Ильей кружку с кофе, – он начал стремительно набирать вес. Почему, врачи так толком и не разобрались, сказали, что после перенесенных ранений у него нарушился обмен веществ.

Осмысливая услышанное, Лунин поднес ко рту кружку с кофе и, машинально сделав слишком большой глоток, тут же обжег себе язык.

– Ой! – вскочил со стула Илья. – У меня же в машине Рокси сидит. Сбегаю посмотрю, как она там.

– Рокси, это вообще кто? – заинтересовалась Шестакова. – Жена или кошка?

– Это болонка. – Лунин почувствовал, что уже который раз за день смущенно краснеет.

– И вы ее оставили запертой в машине? На жаре? – возмутилась Ирина Владимировна. – Несите ее сюда немедленно.

– У меня машина в тени стоит, у елки, – попытался оправдаться Илья, – и окошко я приоткрытым оставил.

– Идите! – не терпящим возражений голосом произнесла Шестакова. – Окна закройте, пока у вас машину не обворовали, а болонку свою несите сюда. Только заверните ее во что-нибудь, чтоб незаметно было.

Как и предполагал Лунин, Рокси благополучно спала на пассажирском сиденье. За то время, которое Илья провел в здании следственного комитета, тень от высокой ели, под которой Лунин припарковал свой «хайландер», немного сместилась в сторону, но нагреться машина еще не успела. Обследовав багажник, Илья пришел к выводу, что завернуть болонку так, чтобы ее было совсем не заметно, ему не во что. Тогда, недолго думая, он вытряхнул все вещи из лежащей спортивной сумки. К переселению в сумку Рокси отнеслась благосклонно, она даже не стала возражать, когда Лунин почти полностью закрыл молнию, оставив лишь небольшое отверстие, дающее возможность дышать.

– Вот и мы, – провозгласил Лунин, распахнув дверь кабинета.

Подтверждая свое присутствие, Рокси звонко тявкнула прямо из сумки. Только после этого Лунин сообразил, что Шестакова в кабинете не одна. На стуле для посетителей, том самом, который недавно занимал Лунин, восседал Антон Александрович.

– Это что же, – Летягин соскочил со стула и устремился навстречу Илье, – вы розыскную собаку с собой привезли?

Поставив сумку на пол, Илья приоткрыл молнию, и выбравшаяся на свободу Рокси мгновенно оказалась в центре внимания. По такому поводу она, не жадничая, предоставила возможность всем присутствующим насладиться ее красотой, а также милым розовым бантиком

на макушке, Шестаковой разрешила себя погладить, а Летягина даже дружелюбно лизнула в круглую щеку, чем привела его в полнейший восторг.

– Я ведь чего вернулся, – сидящий на корточках перед Рокси Антон Александрович, ухватился рукой за стол и кое-как сумел подняться на ноги, – хотел уточнить вопросик. Вы, Илья, где жить будете, уже решили?

– Так ведь у меня же здесь тетка, в Ясачном, – еще не закончив фразу, Илья понял, что ответ подполковнику не понравился.

– Так дело не пойдет, Илья Олегович. – Летягин осуждающе покачал головой. – Вы должны определиться, в качестве кого к нам приехали. Я понимаю, что из Среднегорска вы выезжали как брат человека, по вашему мнению, несправедливо обвиненного в тяжком преступлении.

Лунин открыл рот, чтобы возразить, но подполковник, вскинув руку, затряс пальцем у него перед глазами.

– Погодите спорить. Я еще раз говорю, из Среднегорска вы могли выехать в каком угодно качестве, но здесь, в этом кабинете, брату подозреваемого делать нечего. Даже с учетом того, – Антон Александрович улыбнулся и взглянул вниз, на внимательно слушающую его монолог Рокси, – что он привез с собой такое очаровательное создание. Но, если вы приехали сюда как наш коллега, пусть и некоторым образом частным порядком, тогда добро пожаловать. Мы готовы оказать вам содействие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.